

ВЕЧНАЯ ПОЭЗИЯ

ЯКОВ
ПОЛОНСКИЙ

Лунный свет

Яков Петрович Полонский

Лунный свет (Вечная поэзия)

Яков Полонский – русский поэт, последний яркий представитель века, как сказал Блок, и один из образцовых поэтов по мнению Страхова. Его творчество отличается особым, таинственным колоритом. Его «свежестью лиризма» восхищался сам Гоголь. Строки Полонского не угасают и до сегодняшнего дня. Несомненный и оригинальный, поэт-философ, истолковывающий светлые стороны человеческой души.

Содержание

#1	0005
Ранние произведения. Избранное из первого сборника «Гаммы» 1840–1845	0006
Кавказский период. 1846–1851	0021
1850–1860-е годы	0043
1870–1880-е годы	0073
Конец 1880-х – 1890-е	0082
Свежее преданье. Роман в стихах	0086
Глава 1	0086
Глава 2	0113
Глава 3	0135
Глава 4	0152
Глава 5	0183
Глава 6	0214

Яков Полонский

Лунный свет

© ООО «Издательство АСТ», 2020
* * *

Ранние произведения. Избранное из первого сборника «Гаммы» 1840–1845

Солнце и Месяц

Ночью в колыбель младенца
Месяц луч свой заронил.
«Отчего так светит Месяц?» —
Робко он меня спросил.
В день-деньской устало Солнце,
И сказал ему Господь:
«Ляг, засни, и за тобою
Все задремлет, все заснет».
И взмолилось Солнце брату:
«Брат мой, Месяц золотой,
Ты зажги фонарь – и ночью
Обойди ты край земной.
Кто там молится, кто плачет,
Кто мешает людям спать,
Все разведай – и поутру
Приходи и дай мне знать».
Солнце спит, а Месяц ходит,
Сторожит земли покой.
Завтра ж рано-рано к брату

Постучится брат меньшей.
Стук-стук-стук! – отворят двери.
«Солнце, встань – грачи летят,
Петухи давно пропели —
И к заутрене звонят».
Солнце встанет, Солнце спросит:
«Что, голубчик, братец мой,
Как тебя Господь-Бог носит?
Что ты бледен? что с тобой?»
И начнет рассказ свой Месяц,
Кто и как себя ведет.
Если ночь была спокойна,
Солнце весело взойдет.
Если ж нет – взойдет в тумане,
Ветер дунет, дождь пойдет,
В сад гулять не выйдет няня:
И дитя не поведет.

1841

* * *

Пришли и стали тени ночи
На страже у моих дверей!
Смелей глядит мне прямо в очи
Глубокий мрак ее очей;
Над ухом шепчет голос нежный,
И змейкой бьется мне в лицо

Ее волос, моей небрежной
Рукой измятое, кольцо.
Помедли, ночь! густою тьмою
Покрой волшебный мир любви!
Ты, время, дряхлою рукою
Свои часы останови!
Но покачнулись тени ночи,
Бегут, шатаясь, назад.
Ее потупленные очи
Уже глядят и не глядят;
В моих руках рука застыла,
Стыдливо на моей груди
Она лицо свое сокрыла...
О солнце, солнце! погоди!
1842

К демону
Я погибал —
Мой злобный гений
Торжествовал.
Полежаев

И я сын времени, и я
Был на дороге бытия
Встречаем демоном сомненья;

И я, страдая, проклинал
И, отрицая Провиденье,
Как благодати ожидал
Последнего ожесточенья.
Мне было жаль волшебных снов,
Отрадных, детских упований
И мне завещанных преданий
От простодушных стариков.
Когда молитвенный мой храм
Лукавый демон опрокинул,
На жертву пагубным мечтам
Он одного меня покинул;
Я долго кликал: где же ты,
Мой искунитель? Дай хоть руку!
Из этой мрачной пустоты
Неси хоть в ад!

.....

И вот, среди мятежных дум,
Среди мучительных сомнений
Установился шаткий ум
И жаждет новых откровений.
И если вновь, о демон мой,
Тебя нечаянно я встречу,
Я на привет холодный твой
Без содрогания отвечу.

Весь мир открыт моим очам,
Я снова горд, могуч, спокоен —
Пускай разрушен прежний храм.
О чем жалеть, когда построен
Другой – не на холме гробов,
Не из разбросанных обломков
Той ветхой храмины отцов,
Где стало тесно для потомков.
И как велик мой новый храм —
Нерукотворен купол вечный,
Где ночью путь проходит млечный,
Где ходит солнце по часам,
Где все живет, горит и дышит,
Где раздается вечный хор,
Который демон мой не слышит,
Который слышит Пифагор.
И, чу, в ответ на эти звуки
Встают.....

.....

.....

Все Гении земного мира
И все, кому послушна лира,
Мой храм наполнили толпой;
Гомера, Данте и Шекспира

Я слышу голос вековой.
Теперь попробуй, демон мой,
Нарушить этот гимн святой,
Наполнить смрадом это зданье.
О нет! с могуществом своим,
Бессильный, уходи к другим,
И разбивай одни преданья —
Остатки форм без содержанья.
1842

* * *

Посмотри – какая мгла
В глубине долин легла!
Под ее прозрачной дымкой
В сонном сумраке раки
Тускло озеро блестит.
Бледный месяц невидимкой,
В тесном сонме сизых туч,
Без приюта в небе ходит
И, сквозя, на все наводит
Фосфорический свой луч.
1844

Узник

Меня тяжелый давит свод,
Большая цепь на мне гремит.

Меня то ветром опашнет,
То все вокруг меня горит!
И, головой припав к стене,
Я слышу, как больной во сне,
Когда он спит, раскрыв глаза, —
Что по земле идет гроза.
Налетный ветер за окном,
Листы крапивы шевеля,
Густое облако с дождем
Несет на сонные поля.
И Божьи звезды не хотят
В мою темницу бросить взгляд;
Одна, играя по стене,
Сверкает молния в окне.
И мне отраден этот луч,
Когда стремительным огнем
Он вырывается из туч...
Я так и жду, что божий гром
Мои оковы разобьет,
Все двери настежь распахнет
И опрокинет сторожей
Тюрьмы безвыходной моей.
И я пойду, пойду опять,
Пойду бродить в густых лесах,
Степной дорогою блуждать,

Толкаться в шумных городах...
Пойду, среди живых людей,
Вновь полный жизни и страстей,
Забывать позор моих цепей.

1844

Зимний путь

Ночь холодная мутно глядит
Под рогожу кибитки моей.
Под полозьями поле скрипит,
Под дугой колокольчик гремит,
А ямщик погоняет коней.
За горами, лесами, в дыму облаков
Светит пасмурный призрак луны.
Вой протяжный голодных волков
Раздается в тумане дремучих лесов. —
Мне мерещатся странные сны.
Мне все чудится: будто скамейка стоит,
На скамейке старуха сидит,
До полуночи пряжу прядет,
Мне любимые сказки мои говорит,
Колыбельные песни поет.
И я вижу во сне, как на волке верхом
Еду я по тропинке лесной
Воевать с чародеем-царем

В ту страну, где царевна сидит под замком,
Изнывая за крепкой стеной.
Там стеклянный дворец окружают сады,
Там жар-птицы поют по ночам
И клюют золотые плоды,
Там журчит ключ живой и ключ мертвой
ВОДЫ —

И не веришь и веришь очам.
А холодная ночь так же мутно глядит
Под рогожу кибитки моей,
Под полозьями поле скрипит,
Под дугой колокольчик гремит,
И ямщик погоняет коней.
1844

Встреча

Вчера мы встретились; – она остановилась

—
Я также – мы в глаза друг другу посмотре-
ли.

О Боже, как она с тех пор переменилась;
В глазах потух огонь, и щеки побледнели.
И долго на нее глядел я молча строго —
Мне руку протянув, бедняжка улыбнулась;
Я говорить хотел – она же ради Бога

Велела мне молчать, и тут же отвернулась,
И брови сдвинула, и выдернула руку,
И молвила: «Прощайте, до свиданья»,
А я хотел сказать: «На вечную разлуку
Прощай, погибшее, но милое созданье».
1844

Кумир

Не сотвори себе кумира;
Но, верный сердцу одному,
Я был готов все блага мира
Отдать кумиру моему.
Кумир немой, кумир суровый,
Он мне сиял как божество,
И я клялся его оковы
Влачить до гроба моего.

Полубезумен и тревожен,
С печатью скорби на челе,
В цепях я мнил, что рай возможен
Не в небесах, а на земле, —
Так, чем свобода безнадежней,
Чем наши цепи тяжелей,
Тем ярче блеск надежды прежней
Иль идеал грядущих дней.

Но я разбил кумир надменный,
Кумир развенчанный – упал,
И я же, раб его смиренный,
Его обломки растоптал.
И без любви, без упования,
Не призывая тайных сил,
Я глубоко мои страданья
В самом себе похоронил.
1844

Диамея

О, скажи мне одно только, кем из богов
Ты была создана? Кто провел эту бровь?
Кто зажег этот взгляд? Кто дал волю куд-
рям

Так роскошно змеиться по белым плечам?
О, скажи, Диамея, тебе ли самой
Иль тому божеству, что гордится тобой
Как созданием, я должен из мрамора храм
Вознести на холме и возжечь фимиам?!
1844

Лунный свет

На скамье, в тени прозрачной

Тихо шепчущих листов,
Слышу – ночь идет, и – слышу
Перекличку петухов.
Далеко мелькают звезды,
Облака озарены,
И дрожа тихонько льется
Свет волшебный от луны.
Жизни лучшие мгновенья —
Сердца жаркие мечты,
Роковые впечатленья
Зла, добра и красоты;
Все, что близко, что далеко,
Все, что грустно и смешно,
Все, что спит в душе глубоко,
В этот миг озарено.
Отчего ж бывшего счастья
Мне теперь ничуть не жаль,
Отчего бывая радость
Безотраднa, как печаль,
Отчего печаль бывая
Так свежа и так ярка? —
Непонятное блаженство!
Непонятная тоска!

1844

Ночь в горах Шотландии

Спишь ли ты, брат мой?

Уж ночь остыла;

В холодный,

Серебряный блеск

Потонули вершины

Громадных

Синеющих гор.

И тихо, и ясно,

И слышно, как с гулом

Катится в бездну

Оторванный камень.

И видно, как ходит

Под облаками

На отдаленном

Голом утесе

Дикий козленок.

Спишь ли ты, брат мой?

Гуще и гуще

Становится цвет полуночного неба,

Ярче и ярче

Горят планеты.

Грозно

Сверкает во мраке

Меч Ориона.

Встань, брат!
Из замка
Невидимой лютни
Воздушное пенье
Принес и унес свежий ветер.
Встань, брат!
Ответный,
Пронзительно-резкий
Звук медного рога
Трижды в горах раздавался,
И трижды
Орлы просыпались на гнездах.
1844

* * *

Уже над ельником из-за вершин колючих
Сияло золото вечерних облаков,
Когда я рвал веслом густую сеть плавучих
Болотных трав и водяных цветов.
То окружая нас, то снова расступаясь,
Сухими листьями шумели тростники;
И наш челнок шел, медленно качаясь,
Меж топких берегов извилистой реки.
От праздной клеветы и злобы черни свет-
ской
В тот вечер, наконец, мы были далеко —

И смело ты могла с доверчивостью детской
Себя высказывать свободно и легко.
И голос твой пророческий был сладок,
Так много в нем дрожало тайных слез,
И мне пленительным казался беспорядок
Одежды траурной и светло-русых кос.
Но грудь моя тоской невольною сжима-
лась,

Я в глубину глядел, где тысяча корней
Болотных трав невидимо сплеталась,
Подобно тысяче живых зеленых змей.
И мир иной мелькал передо мною —
Не тот прекрасный мир, в котором ты жи-
ла;

И жизнь казалась мне суровой глубиною
С поверхностью, которая светла.

1844

Кавказский период. 1846–1851

Прогулка по Тифлису
(Письмо к Льву Сергеевичу Пушкину)

Как полдень – так у нас стреляет пушка.
Покуда эхо гул свой тяжко по горам
Разносит, молча вынимая
Часы, мы наблюдаем: стрелка часовая
Ушла или верна по солнечным часам?
Потом до двух – мы заняты делами;
Но так как все они решаются не нами,
Спокойно можем мы обедать – есть плоды
И жажду утолять, не трогая воды.
В собранье пусто: членов неизменных
Четыре человека каждый день
Встречать наскучило; читать газеты лень;
Журналы запоздали; нет военных;
Все в экспедиции, – и там пока в горах,
Не дальше, может быть, как только в ста
верстах
Идет резня (Шамиль воюет),
Для нас решительно войны не существует.
После обеда мы играем роль богов,

И, неспособные заняться даже вздором,
Завесив окна коленкором,
Лежим...

Кто развалившись на диване,
Кто растянувшись на ковре...
Вообразать себя заснувшим в теплой бане
Приятно потому, что на дворе
Невыносимо жарко. – Мостовая,
Где из-под ног вчера скакала саранча,
Становится порядком горяча,
И жжет подошву. – Солнце, раскаляя
Слои окрестных скал, изволит наконец
Так натопить Тифлис, что еле дышишь,
Все видишь не глядя и слушая не слы-
шишь;

Когда-то ночь придет! – дождемся ли, Тво-
рец! —

Вот ночь не ночь – а все же наконец
Пора очнуться. – Тихий, благодатный
Нисходит вечер, час весьма благоприят-
ный

Для той прогулки, от которой ждать
Отрады – первая в Тифлисе благодать.

Куда ж идти? Иду через Мухранский

Овражный мост, и прямо на Армянский
Базар являюсь – там народ,
Поднявшись на заре, для дел, нужды и ле-
ни,

На узких тротуарах ищет тени,
Гуляет, спит, работает и пьет. —
Народ особенный! Я здесь люблю толкать-
ся —

И молча наблюдать – и молча любоваться
Картинами, каких, конечно, никогда
Мне прежде видеть не случилось;
Их не видать – невелика беда,
Но видеть весело, пока не стосковалась
Душа по тем степям, которых вид один,
Бывало, наводил тоску и даже сплин.
Но... я не знаю что – привычка, может
статься,

Бродя в толпе, на лицах различать
Следы разврата, бедности безгласной
Или корысти слишком ясной,
Невежества угрюмую печать
Убавила во мне тот жар напрасный,
С которым некогда я рад был вопрошать
Последнего из всех забытых нами братьев.
Я знаю, что нужда не в силах разделять

Ни чувств насыщенных, ни развитых понятий,

Что наша связь давно разорвана с толпой,
Что лучшие мечты – источники страданья

Для благородных душ остались мечтой...
Итак, чтоб не входить в бесплодные мечта-
нья,

Я поскорей примусь за описанье. —
С чего начать?!. Представьте, я брожу
По улицам – а где, и сам не знаю,
Тифлис оригинальным нахожу,
По крайней мере, не скучаю;
Представьте, наконец, – я в улицу вхожу
Кривую, тесную – под старыми домами
Направо и налево лавок ряд —
Вот караван-сарай, восточными коврами
Увешан пыльный вход, узоры их пестрят

Но я иду от них сквозными воротами
На низкий дворик, устланный плитами,
С бассейном без воды, и слышу, как шумит
Волна в Куре, – куда она спешит,
Неугомонная, живая?..
Не знает, что вдали от этих берегов

Ей не видать других цветущих городов,
Как не видать земного рая!
Что никогда оттуда, где шумят
Каспийские валы, гнилой камыш качая,
К решеткам караван-сарая
Не воротиться ей назад!
Спешу на улицу – и вижу виноград
Висит тяжелыми, лиловыми кистями,
Поспел – купите фунт – бакальщик рад...
Вот перец и миндаль, а вон табак турец-

кий

Насыпан кучами – кальяны – чубуки —
Кинжалы – канаус – бумажные платки,
Товар персидский и замоскворецкий!
Дешевый все товар из самых дорогих!

Иду я дальше; множество портных
Сидят на низеньких подмостках в меховых
Остроконечных шапках, рукава утюжат,
Обводят обшлага черкески заказной
Иль праздничной чухи[1] тесьмою золо-

той,

Усердно шьют – и мне усердно служат:
Из медных утюгов огонь я достаю,
Чтоб тут же закурить потухшую мою

Сигару – здесь курить начальство позволя-
ет;

Пожаров никогда в Тифлисе не бывает,
В Тифлисе просто нечему гореть,
Здесь только можно загореть,
Что, вероятно, всякий знает.

Вот, вижу я, цирюльня, у дверей
Круглится голова; поджав босые ноги,
Сидит благочестивый на пороге
Татарин, голову его бородобрей
Нагнул поближе к свету – выбрил – поско-
рей

Тряпицей вытер – и к окошку
Сушить повесил грязную ветошку. —
Чего ж вам больше!.. Вот кофейня, два куп-
ца —

Два персианина играют молча в шашки,
Хозяин смотрит, сумрачный с лица,
А между тем бичо[2] переменяет чашки.
В пяти шагах, желая аппетит
Свой утолить у небольшой харчевни,
Сошлись работники, грузины из деревни;
Котлы кипят – горячий пар валит —
Лепешек масляных еще дымятся глыбы,
Кувшин с вином под лавкою стоит,

А с потолка висят хвосты копченой рыбы.
Вот на полу какой-то кладовой
(Вы здешние дома, конечно, не забыли)
Два армянина, завязав от пыли
Глаза платком, натянутой струной
Перебивают шерсть. Насупротив, у лавки,
Где как-то меньше толкотни и давки,
Уселся на скамье худой, невзрачный жид
И на станке тесьму и позументы
Прилежно ткет; за ним, на сундуке,
Откинув рукава, сидит в архалуке
Меняла, в сладостной надежде на процен-
ты!

Но вот базар еще теснее —
Разноплеменная толпа еще пестрее.
Я слышу скрип, и шум, и крики – хабарда!

[3]
Вот нищий подошел ко мне, склонясь на
посох;

Вот буйволы идут, рога свои склоняя;
Тяжелая арба скрипит на двух колесах;
Вот скачет конь, упрямого коня
Стегает плеть; налево, с бурдюками,
Знать, из Кахетии с вином,
Дощатый воз плетется, и на нем

Торчит возница с красными усами[4].
А вон ослы вразброд идут,
В кошелках угля несут
И машут длинными ушами;
На одного из них уселись верхом
В лохмотьях два полунагих ребенка,
А третий сзади глупого осленка
Немилосердно бьет хлыстом...

Тифлис для живописца есть находка.
Взгляните, например: изорванный чек-
мень,

Башлык, нагая грудь, беспечная походка,
В чертах лица задумчивая лень,
Кинжал и странное в глазах одушевленье!
Вот, например, живое воплощенье
Труда – муша[5] по улице идет;
Огромный шкаф, перекрестив ремнями,
Он на спину взвалил и медленно несет,
Согнувшись в угол, пот ручьями
По загорелому лицу его течет,
Он исподлобья смотрит и дает
Дорогу... Не могу дорисовать картины! —
Представьте, что в глазах мешаются ослы,
Ковры, солдаты, буйволы, грузины,

Муши, балконы, осетины,
Татары – наконец я слышу крик муллы —
И наконец под минаретом
Свожу знакомство с новым светом —
И чувствую, что на чужом пиру...
Налево мост идет через Куру,
А вон крутой подъем к заставе Эриван-
ской;

Вот, вижу, караван подходит шемахан-
ский;

Как великан, идет передовой верблюд,
За ним гуськом его товарищи идут —
Раздули ноздри и глядят спесиво;
Их шеи длинные навтыяжку стоят,
На них бубенчики нестройные звенят,
С горбов висит космами грива;
Огромные тюки качая на спине,
Рабы Востока тяжестию ноши
Гордятся и блаженствуют вполне;
А я глотаю пыль – иду – и в стороне
Вдруг слышу – деревянные подкоши[6]
Стучат – идет татарка в белой простыне;
Толпа грузинских жен спешит укрыться в
бане,

А я спешу назад – спешу куда-нибудь,

Чтоб только чистым воздухом дохнуть,
Что невозможно на Майдане[7].

Где я – творец! – какие там сидят
Фигуры на стенах – перебирают четки —
И неподвижно вниз глядят;
Внизу овраг – на дне его шумят
Горячие ключи. – Неужели назад
Идти?.. Ого! над самой головою
Я слышу разговор, а может быть, и брань

Но... пусть бранят! – теперь передо мною
Открылся чудный вид. Отсюда, из-за бань,
Мне виден замок за Курюю...
И мнится мне, что каменный карниз
Крутого берега, с нависшими домами,
С балконами, решетками, столбами,
Как декорация в волшебный бенефис,
Роскошно освещен бенгальскими огнями.
Отсюда вижу я – за синими горами
Заря, как жертвенник, пылает и Тифлис
Приветствует прощальными лучами.
О, как блистательно проходит этот час!
Великолепная для непривычных глаз
Картина! Вспомните всю массу этих зда-
ний,

Всю эту смесь развалин без преданий —
Домов, построенных, быть может, из руин,
Садов, опутанных ветвями винограда,
И этих куполов, которых вид один
Напомнит вам предместья Цареграда,
И согласитесь, что нарисовать
Тифлис не моему перу. — К тому ж, при-
знаться,

Мне самому пришлось недолго любоваться;
Я как-то вздумал догадаться,

Что на чужом дворе невыгодно стоять:
Где улица, где двор, в иных местах Тифли-
са

Не разберешь...

Но вот уж сумерки сгущаются в глуши
Садов — и застилают переулки;
В глухие, дальние забрел я закоулки —
И ни одной мужской души!
Вот женщина взошла на низенькую кров-
лю;

Вдали звучит протяжная зурна —
Как видно, здесь крикливую торговлю
Семейная сменила тишина.

Вот у калитки две старухи...
Сошлись и шепчутся и городские слухи
Передают друг другу. Вон скамья
Стоит никем не занятая,
Меж тем как на земле почтенная семья
Сидит беспечно отдыхая...

Не стану женщин вам описывать наряд,
Их легкое, как воздух, покрывало,
Косицы черные и любопытный взгляд,
В котором много блеску, жизни мало...
Повсюду я спешу ловить
Рой самых свежих впечатлений;
Но, признаюсь вам, надо жить
В Тифлисе – наблюдать – любить —
И ненавидеть, чтоб судить
Или дождаться вдохновений...

1846

Татарская песня[8]

Посв. Г. П. Данилевскому
Он у каменной башни стоял под стеной;
И я помню, на нем был кафтан дорогой;
И мелькала, под красным сукном,
Голубая рубашка на нем...

Презирайте за то, что его я люблю!
Злые люди, грозите судом —
Я суда не боюсь и вины не таю!

Не бросай в меня камнями!..
Я и так уже ранена...

Золотая граната растет под стеной;
Всех плодов не достать никакою рукой;
Всех красивых мужчин для чего
Стала б я привораживать! Но
Приютила б я к сердцу, во мраке ночей
Приголубила б только его —
И уж больше любви мне не нужно ничьей!

Не бросай в меня камнями!..
Я и так уже ранена...

Разлучили, сгубили нас горы, холмы
Эриванские! Вечно холодной зимы
Вечным снегом покрыты оне!
Говорят, на чужой стороне
Девы Грузии блеском своей красоты
Увлекают сердца... Обо мне
В той стране, милый мой, не забудешь ли

ТЫ?

Не бросай в меня камнями!..
Я и так уже ранена...

Говорят, злая весть к нам оттуда пришла;
За горами кровавая битва была;
Там засада была... Говорят,
Будто наших сарбазов[9] отряд
Истреблен ненавистной изменою... Чу!
Кто-то скачет... копыта стучат...
Пыль столбом... я дрожу и молитву шепчу.

Не бросай в меня камнями!..
Я и так уже ранена...
1846

Внутренний голос

Когда душа твоя, страдая,
Полна любви, – а между тем
Ты любишь, сам не понимая,
Кого ты любишь и зачем.

Из глубины, откуда бьется
Пульс жизни сердца твоего,

Мой голос смутно раздаётся:
Услышь его! пойми его!

Кто я? – меня не видит око...
Но – близкий сердцу, как печаль.
Я, как мечта, ношусь далеко,
Зову и – увлекаю вдаль.

Я не доступный мыслям праздным,
Я тот, кто в благодати своей
Законы дал звездам алмазным,
Свободу дал душе твоей.

Живой источник мыслей тайных,
Свой вечный свет вливая в них,
Мне мало дела до случайных
Тревог и радостей твоих.

Но, бесконечно всюду вея,
Хочу, чтоб жизнь была полна,
В твоей душе вопросы сея,
Дышу на эти семена —

И говорю: на почве скудной
Дай взреть божьим семенам,

В день благодатный жатвы трудной
Я за дела твои воздам.

1847

Агбар

1

Крадется ночью татарин Агбар
К сакле, заснувшей под тенью чинар.

Вот миновал он колючий плетень;
Видит, на сакле колышется тень.

Как не узнать ему, – даром что ночь,
Как не узнать Агаларову дочь! [10]

Мрачно. В ауле огней не видать;
Лютые псы перестали ворчать.

Ясные звезды потупили взор —
Слушают звезды ночной разговор.

«Солнце мое! – стал Агбар говорить. —
Я за тебя рад себя погубить!»

«Что ж ты! зачем не украдешь меня?» —

«Рад бы украсть я, – да нету коня...

Завтра пошлю я к отцу твоему,
Бедный калым[11] предложу я ему.

Двадцать последних монет серебра,
Пару волов, два узорных ковра...»

«Тише!.. Прощай!» – И во мраке чинар
Скрылся проворный татарин Агбар.

2
Солнце печет темя каменных гор.
Голову клонит на мягкий ковер.

И отдыхает под тенью чинар
В шапке косматой старик Агалар.

Неподалеку, в закрытых сенях,
Жены мотают шелки на станках.

Возле на камне старуха сидит,
Сдвинула брови и в землю глядит.

«Пару волов? У меня тридцать пар!

Что мне волы! – говорит Агалар. —

Мало ли есть у князей табунов!
Мало ли там дорогих жеребцов!

Пусть уведет он, хоть в эту же ночь,
Пару коней – я отдам ему дочь.

Знаю, недавно проехал в Ганжу[12]
Русский чиновник, а кто – не скажу.

Есть у него дорогое ружье...
Если ружье это будет мое,

Если украдет хоть в эту же ночь,
Пусть принесет – я отдам ему дочь.

Мало того, есть купец армянин...
Деньги везет, – едет сдуру один...»

И усмехнувшись, лукавый старик
Начал дремать – головою поник.

Встала старуха, накрылась чадрой
И поплелась потихоньку домой.

Светит луна, как далекий пожар;
Ветер качает вершины чинар;

Листья чинар беспокойно шумят;
Лютые псы у соседа ворчат.

Вновь на свиданье Агбар удалой
Крадется к сакле знакомой тропой.

Жаркое сердце забилось в груди —
Кто мог шепнуть ей: красавица, жди!

Ясные звезды потупили взор —
Слушают звезды ночной разговор:

«Где пропадал ты? возлюбленный мой!» —
«Я не пропал – я пришел за тобой.»»

«Каждую ночь я ходила сюда...
Милый! – скажи мне – какая беда?»»

«В эту неделю украл я коня;
Добрый товарищ нас ждет у плетня;

В эту неделю украл я ружье;
Да не в ружье все богатство мое!

Им я убил армянина купца...
Деньги достал по совету отца.

Им и отца я убью в эту ночь,
Если украсть помешает мне дочь...»
1849

На пути из-за Кавказа

I
Неприступный, горами заставленный,
Ты, Кавказ, наш воинственный край, —
Ты, наш город Тифлис знойно-каменный,
Светлой Грузии солнце, прощай!

Душу, к битвам житейским готовую,
Я за снежный несусь перевал.
Я Казбек миновал, я Крестовую
Миновал – недалеко Дарьял.

Слышу Терека волны тревожные
В мутной пене по камням шумят —

Колокольчик звенит – и надежные
Кони юношу к северу мчат.

Выси гор, в облака погруженные,
Расступитесь – приволье станиц —
Расстилаются степи зеленые —
Я простору не вижу границ.

И душа на простор вырывается
Из-под власти кавказских громад —
Колокольчик звенит-заливается...
Кони юношу к северу мчат.

Погоняй! гаснет день за курганами,
С вышек молча глядят казаки —
Красный месяц встает за туманами,
Недалеко дрожат огоньки —

В стороне слышу карканье ворона —
Различаю впотьмах труп коня —
Погоняй, погоняй! тень Печорина
По следам догоняет меня...

II

Ты, с которой так много страдания

Терпеливо я прожил душой,
Без надежды на мир и свидание
Навсегда я простился с тобой.

Но боюсь – если путь мой протянется —
Из родимых полей в край чужой —
Одинокое сердце оглянется
И сожмется знакомой тоской. —

Вспомнит домик твой – дворик, увешан-
ный

Виноградными лозами – тень —
Где твоим лепетаньем утешенный,
Я вдавался в беспечную лень.

Вспомнит роз аромат над канавою,
Бубна звон в поздний вечера час,
Твой личак – и улыбку лукавую
И огонь соблазняющих глаз.

Все, что было обманом, изменою,
Что лежало на мне словно цепь,
Все исчезло из памяти с пеною
Горных рек, вытекающих в степь.

10 июня 1851

1850–1860-е годы

Времени

Зачем до сей поры тебя изображают
С седыми прядями на сморщенных висках,
Тогда как у тебя на юных раменах
Лишь только крылья отрастают?
О время, пестун наш! – на слабых помочах
Ты к истине ведешь людей слепое племя
И в бездну вечности роняешь их, как бре-

мя,

И бремя новое выносишь на плечах.

Счастливый грек тебя, как смерти, ужасал-

ся,

Он в руки дал тебе песочные часы,

Косой вооружил и в страхе повергался

Пред лезвием твоей сверкающей косы.

А мы, среди своих попыток и усилий

Склонив перед тобой бесславное чело,

Твердим: когда-нибудь, авось, погибнет

зло

От веянья твоих неслышно-мощных кры-

лий!

Лети скорей, крылатое, скорей!

Нам в душу новыми надеждами повеи!
Иль уж губи всех тех, которым ты проро-
чишь

Один бесплодный путь, и делай все, что хо-
чешь!

Скорей мое чело морщинами изрой
И выветри скорей с лица румянец мой
И обреки меня холодному забвенью...

Что за беда! Другому поколенью
Ты наши лучшие надежды передашь,
Твердя ему в урок удел печальный наш.
Своекорыстие – и все, что сердце губит,
Невежество – и все, что гасит ум,
Мне беспрестанно в уши трубит:

«Живи без чувства и без дум!»

Вполне постигли мы бесплодные стремле-
нья

К добру, к отрадному сочувствию людей.

И, выстрадав одно лишь право на презре-
нье

Мы говорим в порыве нетерпенья:

«О время! улетай скорей!»

Ноябрь 1851

Бред

Твой светлый лик вчера являлся мне
В каком-то странном полусне.
Ты на меня смотрела с состраданьем,
Как будто перед расставаньем.

Лаская слух, звучал мне голос твой:
«Не умирай, о милый мой!
Не уноси с собой в поток забвенья
Твою любовь – твои стремленья.

Еще не все изведано тобой
Под этим солнцем и луной.
Ты погибал, в холодной тьме блуждая, —
Блуждал, любви моей не зная.

Дай сердце мне! Его я сберегу:
Здесь на земле я все могу...
Могу к труду твои направить руки,
Могу твои прославить муки.

Приди ко мне! Склонись на грудь мою!
Узнай, как я тебя люблю!..»
И в полусне, твоим речам внимая,
Я плакал, недоумевая...

Как счастья земного сон живой,
Ты, вся любовь, была со мной.
И нежные твои лобзал я руки —
И трепетал, боясь разлуки...
1854

На берегах Италии

Я по красному щебню схожу один
К морю сонному,
Словно тучками, мглою далеких вершин
Окаймленному.

Ах! как млеют, вдали замыкая залив,
Выси горные!
Как рисуются здесь, уходя в тень олив,
Козы черные...

Пастухи вдали на свои жезлы,
С их котомками,
Опершись, стоят на краю скалы —
Над обломками.

Там, у взморья, когда-то стоял чертог
С колоннадами,
И наяды плескались в его порог

Под аркадами.

Там недавно мне снился роскошный сон —
Но... всегда ли я
Ради этих снов забывал твой стон,
О Италия!

Вдохновляемый плачем твоим, я схожу
К морю сонному,
Словно тучками, мглою далеких вершин
Окаймленному.

Там в лазурном тумане толпой встают
Тени бледные.
То не тени встают – по волнам плывут
Пушки медные.

Корабельный флаг отдаленьем скрыт.
Словно дымкою.
Там судьба твоя с фитилем стоит
Невидимкою...
1858

Ночь в Соренто

Волшебный край! Соренто дремлет —

Ум колобродит – сердце внемлет —
Тень Тасса начинает петь.
Луна сияет, море манит,
Ночь по волнам далеко тянет
Свою серебряную сеть.

Волна, скользя, журчит под аркой,
Рыбак зажег свой факел яркий
И мимо берега плывет.
Над морем, с высоты балкона,
Не твой ли голос, примадонна,
Взвился и замер? – Полночь бьет.

Холодной меди бой протяжный,
Будильник совести продажной,
Ты не разбудишь никого!
Одно невежество здесь дышит,
Все исповедует, все слышит,
Не понимая ничего.

Но от полуночного звона
Зачем твой голос, примадонна,
Оборвался и онемел?
Кого ты ждешь, моя синьора?
О! ты не та Элеонора,

Которую Торквато пел!

Кто там, на звон твоей гитары,
Прошел в тени с огнем сигары?
Зачем махнула ты рукой,
Облокотилась на перила,
Лицо и кудри наклонила,
И вновь поешь: «О идол мой!»

Объятый трепетом и жаром,
Я чувствую, что здесь недаром
Италия горит в крови.
Луна сияет – море дремлет —
Ум колобродит – сердце внемлет —
Тень Тасса плачет о любви.
1858

Для немногих

Мне не дал бог бича сатиры:
Моя душевная гроза
Едва слышна в аккордах лиры —
Едва видна моя слеза.
Ко мне виденья прилетают,
Мне звезды шлют немой привет —
Но мне немногие внимают —

И для немногих я поэт.

Я не взываю к дальним братьям
Мои стихи – для их оков
Подобны трепетным объятьям,
Простертым в воздух. Вещих слов
Моих не слушают народы.
В моей душе проклятий нет;
Но в ней журчит родник свободы
И для немногих я поэт.

Подслушав ропот Немезиды,
Как божеству я верю ей;
Не мне, а ей карать обиды,
Грехи народов и судей.
Меня глубоко возмущает
Все, чем гордится грязный свет...
Но к музам грязь не прилипает,
И – для немногих я поэт.

Когда судьба меня карала —
Увы! всем общая судьба —
Моя душа не уставала,
По силам ей была борьба.
Мой крик, мой плач, мои стенанья

Не проникали в мир сует.
Тая бесплодные страданья,
Я для немногих был поэт.

Я знаю: область есть иная,
Там разум вечного живет —
О жизни там, живым живая
Любовь торжественно поет.
Я, как поэт, ей жадно внемлю,
Как гражданин, сердцам в ответ
Слова любви свожу на землю —
Но – для немногих я поэт.

1859

Безумие горя

Посв. пам. Ел. П...й

Когда, держась за ручку гроба,
Мой друг! в могилу я тебя сопровождал —
Я думал: умерли мы оба —
И как безумный – не рыдал.
И представлялось мне два гроба:
Один был твой – он был уютно-мал,
И я его с тупым, бессмысленным внима-
нием
В сырую землю опускал;

Другой был мой – он был просторен,
Лазурью, зеленью вокруг меня пестрел,
И солнца диск, к нему прилаженный, как
бляха

Роскошно золоченая, горел.
Когда твой гроб исчез, заброшенный зем-
лею,

Увы! мой – все еще насмешливо сиял,
И озирался я, покинутый тобою,
Душа души моей! – и смутно сознавал,
Как не легко в моем громадно-пышном
гробе

Забыться – умереть настолько, чтоб забыть
Любви утраченное счастье,
Свое ничтожество и – жажду вечно жить.
И порывался я очнуться – встрепенуться —
Подняться – вечную мою гробницу изло-
мать —

Как саван сбросить это небо,
На солнце наступить и звезды разметать
—

И ринуться по этому кладбищу,
Покрытому обломками светил,
Туда, где ты – где нет воспоминаний,
Прикованных к ничтожеству могил.

1860

* * *

Когда б любовь твоя мне спутницей была,
О, может быть, в огне твоих объятий
Я проклинать не стал бы даже зла,
Я б не слышал ничьих проклятий! —
Но я один – один, – мне суждено внимать
Оков бряцанью – крику поколений —
Один – я не могу ни сам благословлять,
Ни услышать благословений! —
То клики торжества... то похоронный звон,

—
Все от сомнения влечет меня к сомненью...
Иль, братьям чуждый брат, я буду осужден
Меж них пройти неслышной тенью!
Иль, братьям чуждый брат, без песен, без
надежд

С великой скорбию моих воспоминаний,
Я буду страждущим орудием невежд
Подпоркою гнилых преданий!

1861

* * *

Признаться сказать, я забыл, господа,
Что думает алая роза, когда
Ей где-то во мраке поет соловей,

И даже не знаю, поет ли он ей.
Но знаю, что думает русский мужик,
Который и думать-то вовсе отвык...
Освобождаемый добрым царем,
Все розги да розги он видит кругом,
И думает он: то-то станут нас бить,
Как мы захотим на свободе-то жить...

Признаться, забыл я – не знаю, о чем
Беседуют звезды на небе ночном.
И точно ли жаждут упиться росой
Цветы полевые в полуденный зной.
Но знаю, о чем тайно плачет бедняк,
Когда, запирая свой пыльный чердак,
Лежит он, и мрачен, и зол оттого,
Что даже не смеет любить никого,
И зол он на звезды – что с неба глядят,
Как люди глядят – и помочь не хотят.

Я вам признаюсь, что я знать не могу,
Что думает птица, когда на лугу
Холодный туман начинает бродить,
А солнце встает и не смеет светить.
Но знаю – ох, знаю, что мыслит поэт,
Когда для него гаснет солнечный свет.

Ведь я у цензуры слуга крепостной,
Так думает он – и, холодной рукой
Сдавля свою голову, тихо поет,
Когда его музу цензура сечет.

Признаться, не знаю, что думает пес,
Когда птички крадут в навозе овес,
Когда кот пушистым виляет хвостом,
Не знаю, что думают мыши об нем,
Но знаю, что думают слуги царя,
Ближайшие слуги!
Усердьем горя,
Они день и ночь молят господу сил,
Чтоб он взволновать им народ пособил:
Дай, Боже! царя убедить нам хоть раз,
Что плохо бы было престолу без нас;
Ведь эдакий глупый презренный народ:
Как хочешь дразни – ничего не берет.
20 марта 1861

* * *

Твой скромный вид таит в себе
Так много силы страстной воли,
Что не уступишь ты судьбе
Ни шагу без борьбы и боли.

Мгновенья счастья ты трудом
Или болезнями искупишь;
Но пред общественным судом
Ресниц стыдливо не потупишь.

Свет осужден тобою – он
Не может дать тебе закона;
Святая правда – твой закон,
Святая гордость – оборона.

Пускай поэта стих живой
В тебе отзыва не находит,
Поэт, отвергнутый тобой,
Тебя и встретит и проводит.

Осмеянный певец любви
Не осмеет твои порывы —
Откликнется на все призывы,
На все страдания твои.

1863

* * *

Все, что меня терзало, – все давно
Великодушно прощено
Иль равнодушно позабыто,
И если б сердце не было разбито,

Не ныло от усталости и ран, —
Я б думал: все мечта, все призрак, все об-
ман.

Надежды гибли, слезы высыхали,
Как бури, страсти налетали
И разлетались, как туман, —
И ты, которая, даря меня мечтами,
Была отрадой для души больной.
Унесена – исчезла за горами,
Как облачко с поднявшейся росой...

1864

Век

Век девятнадцатый – мятежный, строгий
век —

Идет и говорит: «Бедняжка человек!
О чем задумался? бери перо, пиши:
В твореньях нет творца, в природе нет ду-
ши.

Твоя вселенная – брожение сил живых,
Но бессознательных, – творящих, но сле-
пых,

Нет цели в вечности; жизнь льется, как по-
ток.

И, на ее волнах мелькнувший пузырек,

Ты лопнешь, падая в пространство без
небес, —

Туда ж, куда упал и раб твой, и Зевес,
И червь, и твой кумир; фантазию твою
Я разбиваю в прах... покорствуй, я велю!»

Он пишет – век идет; он кончил – век про-
ходит.

Сомненья вновь кипят, ум снова колобродит, —

И снова слушает бедняжка-человек,
Что будет диктовать ему грядущий век...

1864

* * *

Рассказать ли тебе, как однажды
Хоронил друг твой сердце свое,
Всех знакомых на пышную тризну
Пригласил он и позвал ее.

И в назначенный час панихиды,
При сиянии ламп и свечей,
Вкруг убитого сердца толпою
Собралось много всяких гостей.

И она появилась – все так же
Хороша, холодна и мила,

Он с улыбкой красавицу встретил;
Но она без улыбки вошла.

Поняла ли она, что за праздник
У него на душе в этот день,
Иль убитого сердца над нею
Пронеслась молчаливая тень?

Иль боялась она, что воскреснет
Это глупое сердце – и вновь
Потревожит ее жаждой счастья —
Пожелает любви за любовь!

В честь убитого сердца заезжий
Музыкант «Marche funebre»[13] играл,
И гремела рояль – струны пели,
Каждый звук их как будто рыдал.

Его слушая, томные дамы
Опускали задумчивый взгляд, —
Вообще они тронуты были,
Ели дули и пили оршад.

А мужчины стояли поодаль,
Исподлобья глядели на дам,

Вынимали свои папиросы
И курили в дверях фимиам.

В честь убитого сердца какой-то
Балагур притчу нам говорил,
Раздирательно-грустную притчу, —
Но до слез, до упаду смешил.

В два часа появилась закуска,
И никто отказаться не мог
В честь убитого сердца отведать,
Хорошо ли состряпан пирог?

Наконец, слава Богу, шампанским
Он ее и гостей проводил —
Так, без жалоб, роскошно и шумно
Друг твой сердце свое хоронил.
1864

Неизвестность

Кто этот гений, что заставит
Очнуться нас от тяжких снов,
Разъединенных мысли сплавит
И силу новую поставит

На место старых рычагов?
Кто упростит задачи сложность?
Кто к совершенству даст возможность
Расчистить миллион дорог?
Кто этот дерзкий полубог?
Кто нечестивец сей блаженный,
Кто гениальный сей глупец?
Пророк-фанатик вдохновенный
Или практический мудрец?..
Придет ли он как утешитель
Иль как могучий, грозный мститель,
Чтоб образумить племена;
Любовь ли в нужды наши вникнет,
Иль ненависть народам кликнет,
Пойдет и сдвинет знамена?
Бог весть! напрасно ум гадает,
А там предтеча, может быть,
Уже проселками шагает,
Глубоко верит и не знает,
Где ночевать, что есть и пить.
Кто знает, может быть, случайно
Он и к тебе уж заходил,
Мечты мечтами заменил
И в молодую душу тайно
Иные думы заронил.

1865

Плохой мертвец

Схоронил я навек и оплакал
Мое сердце – и что ж, наконец!
Чудеса, наконец! – Шевелится,
Шевелится в груди мой мертвец...
Что с тобой, мое бедное сердце?
– Жить хочу, выпускай на простор!
Из-за каждой хорошенькой куклы
Стану я умирать, что за вздор!
Мир с тобой, мое бедное сердце!
Я недаром тебя схоронил,
Для кого тебе жить! Что за радость
Трепетать, выбиваться из сил!
Никому ты не нужно – покойся!
– Жить хочу – выпускай на простор!
Из-за каждой хорошенькой куклы
Стану я умирать, что за вздор!

1865

Поздняя молодость

Лета идут, – идут и бремят, —
Суровой старости в усах мелькает иней, —
Жизнь многолюдная, как многогрешный

ад,

Не откликается – становится пустыней... —
Глаза из-под бровей завистливо глядят,
Улыбка на лице морщины выгоняет.
Куда подчас нехороша
Улыбка старости, которая страдает!
А между тем безумная душа
Еще кипит, еще желает.
Уже боясь чарующей мечты,
Невольно, может быть, она припоминает,
При виде каждой красоты,
Когда-то свежие и милые черты
Своих богинь, давно уже отцветших, —
И мнит из радостей прошедших
Неслыханные радости создать,
Отдаться новым искушеньям —
Последним насладиться наслажденьем,
Последнее отдать.

Но страсть, лишённая живительной награды,

Как жалкий и смешной порыв,
Сменяется слезой отчаянной досады,
Иль гаснет, тщетные желанья изнузив.
Так музыкант, каким бы в нем огнем

Ни пламенели памятные звуки,
С разбитой скрипкой, взятой в руки,
Стоит с понуренным челом.
В душе – любовь, и слезы, и перуны,
И музыки бушующий поток... —
В руках – обломки, порванные струны
Или надломленный смычок.
1866

Среди хаоса

Я не того боюсь, что время нас изменит,
Что ты полюбишь вновь или простыну я.
Боюсь я – дряблый свет сил свежих не оценит,
Боюсь – каприз судьбы в лохмотья нас оденет,
Не даст прохлады в зной, в мороз не даст огня...

Отдамся ль творчеству в минуты вдохновения! —
К поэзии чутье утратил гордый век:
В мишурной роскоши он ищет наслаждения,
Гордится пушками – боится разорения,

И первый враг его – есть честный человек.

Наука ль, озарив рассудок мой, понудит
Сонливые умы толкать на верный след! —
Мой связанный язык, скажи, кого разбу-
дит?

Невежество грозит, и долго, долго будет
Грозить, со всех сторон загородивши свет.

Вооружу ли я изнеженные руки
Пилой и топором, чтоб с бедною толпой
Делить поденный труд, – ужели, Боже мой!
Тебя утешит, в дни томительной разлуки,
Мечта, что я вернусь голодный иль боль-
ной?

Чудес ли ожидать без веры в тайны неба!
Иль верить нам в металл – как в высшее
добро?

Но биржа голосит: где наше серебро?!
Богач клянет долги, работник ищет хлеба,
Писатель продает свободное перо.

Покою ль ожидать! – но там, где наши силы
Стремятся на простор и рвутся из пелен,

Где правды нет еще, а вымыслы постылы,

—

Там нет желанного покоя вне могилы,
Там даже сон любви – больной, тревожный
сон.

Случайность не творит, не мыслит и не
любит,

А мы – мы все рабы случайности слепой,
Она не видит нас и не жалея губит;
Но верит ей толпа, и долго, долго будет
Ловить ее впотьмах и звать ее судьбой.

Повалит ли меня случайность та слепая?
Не знаю, но дай Бог, чтоб был я одинок,
Чтоб ты не падала, мне руки простирая...
Нет – издали заплачь, и – пусть толпа, тол-

кая

Друг друга, топчет мой, ненужный ей, ве-
нок.

1866

Детское геройство

Когда я был совсем дитя,
На палочке скакал я;

Тогда героем не шутя
Себя воображал я.

Порой рассказы я читал
Про битвы да походы —
И, восторгаясь, повторял
Торжественные оды.

Мне говорили, что сильней
Нет нашего народа;
Что всех ученей и умней
Поп нашего прихода;

Что всех храбрее генерал,
Тот самый, что всех раньше
На чай с ученья приезжал
К какой-то капитанше.

В парадный день, я помню, был
Развод перед собором —
Коня он ловко осадил
Перед тамбур-мажором.

И с музыкой прошли полки...
А генерал в коляске

Проехал, кончиком руки
Дотронувшись до каски.

Поп был наставником моим
Первейшим из мудрейших.
А генерал с конем своим,
Храбрейшим из первейших.

Я верил славе – и кричал:
Дрожите, супостаты!
Себе врагов изобретал —
И братьев брал в солдаты.

Богатыри почти всегда
Детьми боготворимы,
И гордо думал я тогда,
Что все богатыри мы.

И ничего я не щадил
(Такой уж был затейник!) —
Колосьям головы рубил,
В защиту брал репейник.

Потом трубил в бумажный рог,
Кичась неравным боем.

О! для чего всю жизнь не мог
Я быть таким героем!
1866

Литературный враг

Господа! я нынче все бранить готов —
Я не в духе – и не в духе потому,
Что один из самых злых моих врагов
Из-за фразы осужден идти в тюрьму...
Признаюсь вам, не из нежности пустой
Чуть не плачу я, – а просто потому,
Что подавлена проклятою тюрьмой
Вся вражда во мне, кипевшая к нему.
Он явил меня и в прозе, и в стихах;
Но мы бились не за старые долги,
Не за барыню в фальшивых волосах,
Нет! – мы были бескорыстные враги!
Вольной мысли то владыка, то слуга,
Я собирался беспощадным быть врагом,
Поражая беспощадного врага;
Но – тюрьма его прикрыла, как щитом.
Перед этою защитой я – пигмей...
Или вы еще не знаете, что мы
Легче веруем под музыку цепей
Всякой мысли, выходящей из тюрьмы;

Иль не знаете, что даже злая ложь
Облекается в сияние добра,
Если ей грозит насилья острый нож,
А не сила неподкупного пера?!.
Я вчера еще перо мое точил,
Я вчера еще кипел и возражал; —
А сегодня ум мой крылья опустил,
Потому что я боец, а не нахал.
Я краснел бы перед вами и собой,
Если б узника да вздумал уличать.
Поневоле он замолк передо мной —
И я должен поневоле замолчать.
Он страдает, оттого что есть семья —
Я страдаю, оттого что слышу смех.
Но что значит гордость личная моя,
Если истина страдает больше всех!
Нет борьбы – и ничего не разберешь —
Мысли спутаны случайностью слепой, —
Стала светом недосказанная ложь,
Недосказанная правда стала тьмой.
Что же делать? и кого теперь винить?
Господа! во имя правды и добра, —
Не за счастье буду пить я – буду пить
За свободу мне враждебного пера!

Муза

В туман и холод, внемля стуку
Колес по мерзлой мостовой,
Тревоги духа, а не скуку
Делил я с музой молодой.
Я с ней делил неволи бремя —
Наследье мрачной старины,
И жажду пересилить время —
Уйти в пророческие сны.
Ее нервического плача
Я был свидетелем не раз —
Так тяжела была для нас
Нам жизнью данная задача!
Бессилья крик, иль неудача
Людей, сочувствующих нам,
По девственным ее чертам
Унылой тенью пробегала,
Дрожала бледная рука
И олимпийского венка
С досадой листья обрывала.
Зато печаль моя порой
Ее безжалостно смешила.
Она в венок лавровый свой
Меня, как мальчика, рядила.

Без веры в ясный идеал
Смешно ей было вдохновенье,
И звонкий голос заглушал
Мое рифмованное пенье.
Смешон ей был весь наш Парнас,
И нами пойманная кляча —
Давно измученный Пегас;
Но этот смех – предвестник плача —
Ни разу не поссорил нас.
И до сего дня муза эта
Приходит тайно разделять
Тревоги бедного поэта,
Бодрит и учит презирать
Смех гаера и холод света.
1867

1870–1880-е годы

И. С. Тургеневу
Благословенный край —
пленительный предел!
Там лавры зыблются...
А. Пушкин

Невесела ты, родная картина!..
Н. Некрасов

Туда, в Париж, где я когда-то
Впервые, искренне и свято,
Любим был женскою душой...
Туда, где ныне образ твой,
Еще живой, мне свят и дорог,
Не раз стремился я мечтой
Подслушать милой тени шорох,
Поймать хоть призрака черты...

Увы! поклонник красоты —
Я ей страдальческую службу
Давно усердно отслужил
И прозаическую дружбу
В своей душе благословил.

Но где друзья? – друзей немного...
Я их не вижу по годам;
Подчас глуха моя дорога...
В разброде мы: я – здесь, ты – там.

Донашивать свои седины
Нам порознь суждено судьбой!..
Тебе – в объятиях чужбины,
Мне – в кандалах нужды родной.
Устал я, лег – почти что болен,
Своей работой недоволен;
Не бросить ли? не сжечь ли? – Нет!
В моем уединеньи скучном,
Замкнувшись в тесный кабинет,
Не чужд я мысли о насущном,
Забот и будничных сует...

Устал я... размышлять нет мочи, —
Не сплю... погас огарок мой...
В окно глядит и лезет в очи
Сырая мгла плаксивой ночи...
Осенней вьюги слышен вой...
И вот разнузданной мечтой
Я мчусь в Париж, туда, где свято
Впервые я любил когда-то

И был блажен – в последний раз!..

.....

Вот позднего досуга час...

Париж недавно отобедал,

Он все, что мог, изжил, изведаль,

И жаждет ночи...

Чердаков

Окошки – гнезда бедняков —

Ушли под тучи в мрак печальный:

Там голод, замыслы, нахальной

Нужды запросы – бой с нуждой,

Или при лампе трудовой

Мечты о жизни идеальной.

Зато внизу – Париж иной,

Картинный, бронзовый, зеркальный;

Сверкают тысячи огней —

Гул катится по всем бульварам,

Толпа снует... Любуйся даром,

Дивись на роскошь богачей;

Вздыхнув о юности своей,

Давай простор влюбленным парам...

.....

Вот дом – громада. Из сеней

На тротуар и мостовую
Ложится просвет полосой;
Из-под балкона, головой
Курчавясь, кажут грудь нагую
Шесть статуй – шесть кариатид;
Свет газовых рожков скользит
Кой-где по мрамору их тела;
Полураскрыв уста, оне
Прижались к каменной стене,
И никому до них нет дела...

Вот – лестница осаждена...
Идут, сгибаются колена,
Ступенек не видать – одна
С площадки мраморной видна
Тебе знакомая арена:
Звездятся люстры; их кайма
Из хрусталей, как бахрома
Из радужных огней, сверкает;
Раздвинув занавес, ведет
В громадный зал широкий вход,
И тесную толпу стесняет.

Толпа рассыпалась – и вот...
Шуршит атлас, пестрят наряды,

Круглятся плечи бледных дам —
Затылки, профили... а там,
Из-за высокой балюстрады,
Уже виднеются певцы,
Артисты-гении, певицы,
Которым пышные столицы
Несут алмазы и венцы.

И ты в толпе – уж за рядами
Кудрей и лысин мне видна
Твоя густая седина;
Ты искоса повел глазами —
Быть узнанным тщеславный страх
Читаю я в твоих глазах...
От русских барынь, от туристов,
От доморощенных артистов

Еще хранит тебя судьба...
Но – чу! гремят рукоплесканья,
Ты дрогнул – жадное вниманье
Приподнимает складки лба;
(Как будто что тебя толкнуло!)
Ты тяжело привстал со стула,
В перчатке сжатою рукой
Прижал к глазам лорнет двойной

И – побледнел... —
Она выходит...
Уже вдали, как эхо, бродит
Последних плесков гул, и – вот
Хор по струнам смычками водит —
Она вошла – она поет.

О, это вкрадчивое пенье!
В нем пламя скрыто – нет спасенья!
Восторг, похожий на испуг,
Уже захватывает дух —
Опять весь зал гремит и плещет...
Ты замер... Сладко замирать,
Когда, как бы ожив, опять
Пришла любовь с тобой страдать —
И на груди твоей трепещет...

Ты молча голову склонил,
Как юноша, лишенный сил
Перед разлукой...
Но – быть может —
(Кто знает?!) грустною мечтой
Перелетел ты в край родной,
Туда, где все тебя тревожит,
И слава, и судьба друзей,

И тот народ, что от цепей
Страдал и – без цепей страдает...
Повеся нос, потупя взор,
Быть может, слышишь ты – качает
Свои вершины темный бор —
Несутся крики – кто-то скачет —
А там, в глуши, стучит топор —
А там, в избе, ребенок плачет...

Быть может, вдруг перед тобой
Возникла тусклая картина: —
Необозримая равнина,
Застывшая во мгле ночной.
Как бледно-озаренный рой
Бесов, над снежной пеленой
Несется вьюга; – коченеет,
Теряясь в непроглядной мгле,
Блуждающий обоз... Чернеет,
Как призрак, в нищенском селе
Пустая церковь; тускло рдеет
Окно с затычкой – пар валит
Из кабака; – из-под дерюги
Мужик вздыхает: «Вот-те на!»
Иль «караул!» хрипит со сна,
Под музыку крещенской вьюги.

Быть может, видишь ты свой дом,
Забитый ставнями кругом, —
Гнилой забор, оранжерею, —
И ту заглохшую аллею,
С неподметенною листвою,
Где пахнет детской стариной
И где теперь еще, быть может,
Когда луна светла, как день,
Блуждает молодая тень —
Тот бледный призрак, что тревожит
Сердца, когда поет она
Перед толпой, окружена
Лучами славы...

1877

* * *

Глаза и ум, и вся блестишь ты,
Невзгод житейских далека...
И молча взорам говоришь ты,
Как ночью пламень маяка...
Но я, пловец, завидя пламень,
Своим спасеньем дорожу
И, обходя подводный камень,
От блеска дальше ухожу...
Вот, если б я волной был шумной —

Ветрам послушною волной,
С какой бы страстью вольнодумной
Примчался я к твоим стопам,
Чтоб хоть на малое мгновенье
Взыграть, разбиться и, – слезам
Дав волю, – выплакать забвенье
Своим безумствам и страстям.

1882

Конец 1880-х – 1890-е

В гостях у А. А. Фета

Тщетно сторою оконной
Ты ночлег мой занавесил, —
Новый день, румян и весел,
Заглянул в мой угол сонный.

Вижу утреннего блеска
Разгоревшиеся краски.
И не спрячет солнца ласки
Никакая занавеска...

Угол мой для снов не тесен
(если б даже снились боги...)
Чу! меня в свои чертоги
Кличет Муза птичьих песен.

Но как раб иной привычки,
Жаждающий иного счастья,
Вряд ли я приму участие
В этой птичьей перекличке!..
д. Воробьевка. 12 июня 1890

Мгновения

...Неведомый и девственный родник,
Святых и чистых звуков полный.

М. Лермонтов

В дни ль уединения
Скучного, досужного,
Или в час томления, —
В час, когда надменное
И не откровенное
Сердце снова мается,
Редко, но случается,
Что наш ум подавленный
Жизнью подневольною,
Рабскою работою,
Или обесцвеченный
Суетной заботою,
Вдруг, как бы встревоженный
Искрой откровения,
Чутко ждет иль чувствует,
Что вот-вот подкрадется
То, что в нем отсутствует, —
Нечто вдохновенное,
В красоту повитое,
Всем сердцам присущее,
Всеми позабытое,

Нечто несомненное,
Вечно неизменное,
Даст нам успокоиться —
Промелькнет и скроется!
Ночью ль благодатною,
В сладкий час свидания,
В утро ль ароматное,
Свежее, согретое
Лаской расставания,
Как ни очарованы
Мы земной усладою,
Как мы ни спасаемся
В миг самозабвения
От самосознания,
Все ж мы просыпаемся,
Счастьем удрученные,
С чувством сожаления
Или сострадания:
То над нами носится
Тень воспоминания,
Или в душу просится
Смутное предчувствие
Близкого, обидного
Разочарования.
И тогда случается,

К сердцу приласкается
Чувство беспредельное,
Светлое, далекое,
Счастье неизменное,
Нечто беспечальное
Вечно идеальное,
Даст нам успокоиться —
Промелькнет и скроется!
Июль, 1897. Райвола

Свежее преданье. Роман в стихах

Глава 1

Давно Таптыгин, князь известный
В Москве, как солнце в поднебесной, —
Затих, шампанского не пьет
И вечеров уж не дает.
Куда, злодей, он путь направил,
Где он следы свои оставил?
Зачем исчез, как метеор?
Кто князя помнит? – Но с тех пор
Богов российского Парнаса
Перевели на задний двор;
С тех пор в Москве, во имя спаса
Успели выстроить собор;
Прошла железная дорога;
Пал Севастополь; – в добрый час
Иная ломка началась...
И утекло воды так много,
Что, может быть, Таптыгин князь
Давно уж превратился в грязь.

Давно в Москве его забыли:
Забыл и тот, кто обыграл,
И те, которые трубили,
Что он невежда и нахал,
И та, которую любовным
Письмом он некогда сразил,
И тот, кто некогда грозил
Ему процессом уголовным.
Когда я прилетал в Москву,
Как юноша, когда-то праздный,
Любил я старую молву
Ловить за хвост немножко грязный,
И помню, как один приказный
С каким-то чувством говорил,
Как этот князь его побил,
И как он щедро наградил
За свой поступок безобразный.
Когда же я его спросил:
Как звали князя, где он жил,
Где он служил и куролесил,
Седой пьянюшка нос повесил
И повинился, что забыл:
«Забыл, сударь! забыл, признаться!
Забыл, – кажись бы и не пьян»...
Так часто трудно добираться

До исторических имян.

Таптыгина не знал я лично:
Но, как его историк, я
В то время вел себя отлично.
Нельзя писать о нем шутя,
Писать подробно неприлично;
Мы не дозрели, говорят,
И может быть не без причины!
Разврата грязные картины
Нас потешают как ребят.

Жена Таптыгина, Ульяна
Ивановна, довольно рано
Покинула московский свет.
Я знал ее: она в разводе
Жила у брата на заводе.
(Теперь ее в живых уж нет;
Погребены ее страданья,
Что значит: вся погребена.)

Старушка бледная, она
Ходила в темном одеяньи;
Как у игуменьи, у ней
Был гордый вид, но не спесивой.

Глаза ее, когда на вас
Она глядела в первый раз
С какой-то грустью молчаливой,
Казалось, говорили вам:
Еще ты молод – по губам
Я это вижу; – что-то будет,
Как ты с мое-то поживешь;
Ума прибавится на грош.
А сердце на алтын убудет.

В руках она везде с собой
Носила бархатный мешочек.
Там было все: платок, клубочек,
Наперсток, ею начатой
Чулок, рогулька для вязанья,
Молитвенник и поминанье.

Порой черты ее лица
На юность навевали скуку.
Я помню два больших кольца
У ней на пальце; помню руку
Худую, бледную – она
Была действительно бледна,
Как старый воск, – не исчезает
Она из памяти моей:

И право странно – мне об ней
Всего скорей напоминает
Одеколон, когда его
Я слышу запах... отчего,
И почему? – сам черт не знает;
А черт не знает потому.
Что он не верит ничему
И Молешота изучает.

Старушка добрая, она
Была не нынешнего веку;
Я для нее ходил в аптеку,
Когда она была больна,
Пил чай у ней, всегда с вареньем,
Читал ей лучшие места
Из Филарета с умилением,
И даже гладил с наслаждением
Ее любимого кота.
О муже темные преданья
Она могла бы пояснить,
Да мало было в ней желанья
Со мной об этом говорить.
Бывало, все молебны служит,
Чего-то ждет, о чем-то тужит;
Порой собирается в Москву,

Порой задумается, – бредит:
Отец помрет – она приедет —
Княжна с отцом теперь живет,
Но скоро будет мой черед —
У бога очередь ведется, —
Уж это так! что бог возьмет
У одного, – другим дается.

С старушкой было бы смешно
И даже глупо спорить, – но
Я часто в пост у ней обедал
И все-таки кой-что разведаль.
Не раз, хваля обед простой.
Да подливая суп грибной
В тарелку с гречневою кашей,
Я спрашивал: а где ваш муж?
И что княжна? от дочки вашей
Уж нет ли писем? почему ж
Она не пишет?
– Муж в именьи
И, говорят, стал нелюдим,
Моя княжна, конечно, с ним,
Она в большом уединеньи
Живет, почти что никого
Не видит, некого и видеть —

Степь, лес и больше ничего;
Бог милостив, и не обидит
Ее, бедняжку!..

Тут рука

Княгини явно начинала
Дрожать, и дело без платка
Не обходилось. Раз измяла
Она его и подняла
Как будто к носу, провела
Повыше переносья, словно
Так было нужно...

Из сего

Я заключил, что хладнокровно
Она допроса моего
Не может слышать. Так невольно
Я заставлял ее страдать;
Так ей, заметно, было больно
Мне отвечать.

И то сказать,

Приятно в старость принимать
В свой дом беспечного повесу,
Его кормить, ему внимать,
Но перед ним сорвать завесу
С той сцены, где судьба, смеясь,
Когда-то без пощады в грязь

Нас повалила и топтала,
Или, как с мышью кот, играла —
Увы! не всякому легко.
Не все, что скрыто глубоко
У нас в душе, легко всплывает;
Любовь погибшая, и та
На откровенные уста
Печать молчанья налагает.

То были дни моей весны,
И было у меня пророком
Мечтательное сердце; в сны
Его я верил; из княжны
Я создал по одним намекам
Тот чистый, грустный идеал,
Который спать мне не давал.
Тогда благоразумья оком
Еще глядеть я не умел...
Хоть я и не был яр и смел,
Как Дон-Кихот; хотя идея
Спасти княжну была смешна,
Но для меня моя княжна
Была такая ж Дульцинея...

Герой грядущего, я мнил

Сойтись с несчастной героиней;
Вот почему я говорил
Так часто с бедною княгиней,
В ней струны сердца шевелил,
И на лице ее следил
За каждой вздрогнувшей морщиной;
Я даже случай находил
С ее служанкой Катериной,
Кривою девкой в сорок лет,
Болтать о том, чего уж нет,
И, разумеется, читатель,
Был любопытен, как поэт,
Иль как уездный заседатель.
И я ей-богу не шутил.
Однажды, мучимый тоскою
(От лихорадки праздных сил),
Я вдруг старухе объявил,
Что сам поеду за княжною
И привезу ее.

Она
(Хоть и была изумлена)
Спокойно на меня взглянула
И равнодушно протянула
Мне руку с тем, чтоб я ее

Поцеловал, – прошу покорно,
Какая милость! Я проворно
Впился в нее губами. О!
Теперь и сам я начинаю
Смекать, зачем и отчего
Я эту руку вспоминаю
Живее вдвое, чем черты
Ее поблекшей красоты.

Тогда я жил, как подобает
Жить юношам холостякам,
Жил, где придется. – Куликам
Там и уютно, где к водам
Камыш болотный прилегает;
Где можно в тину запустить
Свой длинный нос и угостить
Себя на славу. – Не мешает
Сказать, что истинный кулик,
К какой бы кочке ни приник,
Нигде крыла не замарают.

Я помню – разгорался день,
Но облака ходили низко,

А на Москве лежала тень.
От нас Москва была не близко,
Хоть и мелькали с двух сторон
Ее макушки. Ранний звон
Колоколов ее в тумане
Носился смутно над землей.
На первом плане над рекой,
У ближней роци, на поляне
Сидели кучками цыгане;
Дымился табор кочевой.
В кустах посвистывали птицы;
Вдоль серых грядок свекловицы
Тянулся низенький забор;
За ним ряды фабричных зданий,
Сушильня, кузница, две бани
Глядели окнами на двор;
Косую тень бросали трубы
На дерн покатога двора;
Из темной пасти их с утра
Выбрасывались дыма клубы,
Столбом тянулись в облака,
Потом на запад уходили
И там терялись в тучах пыли.
За банями текла река;
Там раздавался стук валька;

Фабричные белье там мыли;
Налево – шел сосновый лес,
А я под небольшой навес
Присел на пыльные ступеньки
Избы, что с краю деревеньки,
Где я в то время нанимал
Чулан с окном и сеновал.

Что вам сказать о сеновале?
Он был мой маленький эдем,
И что там было – и зачем
Туда сквозь кровлю мне мигали
Ночные звезды, говоря:
Ты, брат, блаженнее царя, —
Зачем ты полуночной тенью
Следил мой глаз – и отчего
У изголовья моего
Так пахло свежую сиренью? —
О, пусть перо мое молчит!
К чему дразнить мне аппетит,
Когда желудок мой набит
Непереваренным обедом?
Мне только следует сказать,
Что я княгине был соседом —
И мог старушку навещать.

Старушка к своему соседу
Хоть недоверчива была,
Однако иногда звала
Меня по праздникам к обеду;
Но рано утром никогда
Ни для варенья, ни для чтенья
Не получал я приглашенья.
А в это утро, господа,
Ее посланница кривая
Явилась вдруг передо мной,
Как будто лист перед травой.
– А! вы уж встали! Вишь какая
Погода! Птички как поют!..
Она болтать со мной пустилась
И наконец договорилась:
– Вас просят на десять минут
Пожаловать.
– Что это значит!
Уж не больна ли?
– Нет, все плачет...

Княгиню я застал одну
В каком-то шлафоре, с букетом

Фиалок и в чепце, надетом
Немножко на сторону.

– Ну,

Любезный мой! – не осудите

Старуху – послужите ей,

– Все, что прикажете!

– Сходите

В Москву, мой милый. От моей

Княжны, вот видите ли, нету

Совсем известий. Я боюсь:

Он там сживет ее со свету...

Ей-богу толку не добьюсь...

Сходите, милый.

– Что ж, могу я...

Скажите...

Плача и тоскуя,

С лицом измятым, раза два

По комнате прошлась старуха:

У ней качалась голова,

У ней недоставало духа

Со мной беседовать...

– А вот.

Я дам вам адрес: он живет

Близ Курьих ножек... Вот... возьмите

Хоть это перышко... Пишите:

Дом Савиной – второй квартал...

Я взял перо; перо скрипело
И брызгало... Я записал...

– Вот видите – какое дело...

Чего я не могу постичь...

Но, впрочем, если Петр Ильич
Камков вас примет, то, быть может,

Расскажет вам. – Меня тревожит

Одно: не умер ли Камков?

Он был всю зиму нездоров;

Все кашлял – эдакое горе.

Спросите: – не было ли вскоре

После святой, как был Матвей,

Письма от дочери моей.

Пусть сходит справиться в конторе...

Мой друг, – утешьте вы меня —

Всю жизнь вам благодарна буду...

И вечером того же дня

Я шел Москвой. Не позабуду,

Как, после дождика с грозой,

Над Воробьевыми горами,

И над пустынными дворцами,

И над садами за рекой
Гас тихо вечер золотой; —
Как с теплотой боролся холод;
Как подрумянен был и молод
Маститый Кремль с его стеной...
Как горячо горели главы
Его соборов;.
Как были зелены бульвары;
Как там заманчиво в тени
Влюбленные гуляли пары
(Так мне казалось в оны дни);
Как пахло хлебом из пекарен, —
И помню я, как в тишине,
Из-за гардин, в одном окне,
Я услышал: «Зайдите, барин...»
Я останавливался... и
Усталый, мокрый, весь в пыли,
Опять шагал, как некий странник,
Как тот, кому сам черт не брат,
И пробирался на Арбат.

Фантазии наивный данник,
Я представлял себе, каков

Собою должен быть Камков.
Об нем уже молва блуждала
В той бедной, маленькой среде,
Которая благословляла
Зародыши талантов, – где
Авторитеты колебали,
И критику исподтишка
Не громко, но рукоплескали;
Смотреть ходили из райка
Мочалова, – передавали
Кольцова стих из уст в уста,
И в «Наблюдателе» искали
Стихов под литерой в.
Итак, об нем слышал я прежде.
Я думал: гений и поэт —
Синонимы? и был в надежде,
Что славой он покроет свет,
Что на святой Руси он будет
Виднее солнца самого,
И мир, конечно, не забудет
Меня, как спутника его.

Я был настолько легковверен,
Настолько зелен был душой;
А потому и не намерен

Смеяться над моей весной
Почтенной публике в угоду.
(Пора оставить эту моду!)
Я и теперь, читатель мой,
Уверен в том, что будь вы гений, —
Не внемля крику пошлых мнений,
Я был бы раньше сам собой,
И был бы выше головой.
Но что об этом...

Близ Полянки
Камков жил у одной мещанки
Во флигеле. – К его сеням
Прошел я по сырým доскам
И стал стучаться. – Оказалось,
Что дверь была не заперта
И очень просто отворялась.
Вхожу – передняя пуста.
Тут, признаюсь вам, я смутился:
Вообразите вы, – что вдруг
Я у поэта очутился
С пустою вешалкой сам-друг.
Я думал: за перегородку
Идут следы Камен – и что ж
Увидел? – половую щетку
Да пару стоптанных калош!

Я кашлянул, как будто в глотку
Мне пыль засела; – я не знал,
Войти ли мне – и – не решался.
«Я дома – дома!» – отозвался
Мне тихий голос: он звучал
Каким-то детским нетерпеньем,
Как будто звал меня больной,
Капризный друг. – С благоговеньем
Вошел я в комнату.

Худой,
В халатишке, одной ногой
Поймавши тюфлю, он с дивана
Приподнялся, – то был Камков.
Я начал: «К вам меня Ульяна
Ивановна»... – «Я нездоров, —
Он перебил, – и поджидаю
К себе давно кого-нибудь.
Вообразите, – сам не знаю,
Что делать? – Собираюсь в путь,
И обречен на злую скуку.
Лежу весь день – совсем разбит.
Бока болят и грудь болит.
Садитесь».
Протянувши руку,

Он для меня подвинул стул,
И словно в душу заглянул
Большими серыми глазами.
Я не бывал знаком с орлами,
Но думаю, что на орла
Похож он не был... Над бровями
Его, заметной складкой, шла
Морщинка – знак упорной воли
Иль напряженья мысли. – Он
Был моложав, – но сокрушен,
Подавлен чем-то; поневоле
Я на него глядел – глядел,
И слушал, и понять хотел.
Казалось, был он бесконечно
Внимателен и добр; – конечно
С такими качествами кто ж
Бывает на орла похож?
А между тем и сам постичь я
Не в состояньи, отчего
Сначала мне в лице его
Почудилось что-то птичье,
Тогда как через час потом
Глядел он просто добряком: —
Улыбка мягкая скользила
По очертанью тонких губ

И прямо, ясно говорила:
Поверьте мне, Камков не груб,
Хоть и бывает зол и едок.

Я сел – он сел – и напоследок
Мы познакомились.
Друзья,
Пиши я в прозе, верно б я
Вам описал его каморку,
Стол, кресла, книги под столом
И на столе, да с табаком
Кисет; – но, господа, что толку
Нам в описании таком! —
Жилище моего Камкова
Теперь напомнило бы мне
Мое студенчество; другого
Сказать вам нечего.
Вполне
Довольный тем, что я с дороги
Напился чаю с калачом,
Тогда я думал, что мы боги —
Сошлись и судим обо всем.
Камков просил меня любезно
Ответ княгине передать,
Ничуть не думая скрывать,

Что было вовсе бесполезно.
И тут кой-что узнал я, – но
Одной страницы из романа
Мне не довольно... и смешно
Вам раскрывать ее – и рано.
Пусть подождет меня Ульяна
Ивановна, – пусть подождет
Меня княжна. – Пущу вперед,
Сиятельных не беспокоя,
Камкова, моего героя.
Друзья! Как друга моего,
Рекомендую вам его.

Простым и грустным разговором
Знакомство наше началось,
И тронул он меня до слез
Одним рассказом (о котором
Теперь умалчиваю). Спором
Мы заключили разговор.
О чем был сей великий спор?
Не помню. – Я уже порядком
От метафизики отстал;
Уже давно не поверял
Своих идей по тем тетрадкам,
В которых иногда писал

Дневник мой: тайно признавался,
Как я любил, как я терзался,
Как правды-истины искал,
И на себя наивно лгал.

Я только помню впечатленье, —
Я только помню – как, живой
Своею речью, молодой
Моей души святой покой
Он нарушал без сожаленья, —
Он не смеялся надо мной,
Не нападал, – но понемногу
Одoleвал, и в мир иной,
Не огражденный никакой
Стеною, стал казать дорогу...

Оставшись до другого дня
В его каморке, – помню, – я
Заснул под утро. Для меня
Камков действительно был гений,
Хоть он заметного следа
Среди общественных явлений
И не оставил, господа.
Увы! как Рудину, – тогда
Ему была одна дорога:

В дом богадельни иль острога.
Но между Рудиным и ним,
Как поглядим да посравним,
Была значительная разность.
Характеров разнообразность
Разнообразит вечный тип.
Идея, будь одна и та же,
В одном засядет как полип,
Другого выровняет глаже,
Или заставит с бородой
Ходить без галстука. – Иной,
Приняв ее в свои владенья,
Идет на гибель, как герой,
Иной напротив на покой
Отправится в уединенье
И сложит руки. – Мой Камков
Был с нею чем-то вроде Пери,
Блуждающей у райской двери,
Внимающей из облаков
Далекого блаженства звукам
И в то же время адским мукам,
Огню и скрежету зубов.
Он был далеко не ребенок;
Все понимал: и жизнь и век,
Зло и добро – был добр и тонок;

Но – был невзрослый человек.
Как часто, сам сознавшись в этом,
Искал он дела – и грустил;
Хотел ученым быть, поэтом,
Рвался и выбился из сил.
Он беден был, но не нуждался,
Хотел любить – и не влюблялся,
Как будто жар его любви
Был в голове, а не в крови.

Он по летам своим был сверстник
Белинскому. – Станкевич был
Его любимец и наперсник.
К нему он часто заходил
То сумрачный, то окрыленный
Надеждами, и говорил —
И говорил, как озаренный.
А то как над собой трунил —
Или приятелю твердил:
«Как знал ты жизнь – как мало жил»[14].
Какую роль играл он в свете,
И как он в высший свет попал,
Когда не ездил он в карете
И модных галстуков не знал?
Туда, сказать вам откровенно,

Попал он необыкновенно,
И вовсе роли не играл, —
Самарин там его встречал. —
Он появлялся бледный, скромный,
Всегда с улыбкою заемной,
Всегда один, – всегда вдали
От пышных дам, хоть эти дамы
И были как нельзя милей,
Вообразив, что на мужей
Он сочиняет эпиграммы.

Но не пора ли кончить мне
Беседовать наедине
С моей музой простодушной,
Чтоб за моим героем вслед
На время окунуться в свет,
Холодный свет, но не бездушный, —
Свет не бездушный, но с душой
Опутанной, немой, слепой,
Коварным идолам послушной, —
Свет, не ходящий без ходуль,
Но обладающий крылами
Могучими. – Друзья! найду ль

Я крылья там, – иль вместе с вами
Пройдусь в толпе, гордясь цепями?

Читатель! Если ты желал
В начале моего творенья
Найти ошибку, упущенье
Иль вялый стих, – и не зевал
Над этой первою главою, —
Ты ничего не потерял:
Я угощу тебя второю.
Но если ты не дотянул
До половины и – заснул,
Спи, милый мой! – Господь с тобою!

Глава 2

В Москве жил-был один барон.
Как все бароны, верно он
Был человеком не без веса:
Он был богат, играл в бостон,
Поутру делал моцион,
И – был дурак. Но баронесса...
Была особая статья!
О! будь я дама, – верно б я
Ей подражал, иль, уж поверьте,
Возненавидел бы до смерти.
(Пишу по слухам мой рассказ.)
Я к сожаленью только раз
И видел, как она в концерте
С тетрадкой нот сидела, и —
Ресницы длинные свои
Склоня к коленям, как маэстро,
Карандашом, под гром оркестра,
Чертила что-то.
Гордый Лист,
Известный вам фортепьянист,
Когда из Венгрии опальной
(Артистов модный идеал)
Он прилетел и взволновал

Наш север славой музыкальной, —
Ее недаром посетил:
Был пьян и гениально мил.

Недаром Щепкин знаменитый,
Поборник Гоголя маститый,
Ее гостям «Разъезд» читал,
Смешил, смеялся и рыдал.

Недаром зеленью, цветами
В мороз крещенский убрала
Она свой угол, и была
Всегда особенно мила
С московскими профессорами.
Стихи читала, как поэт,
Хоть и без лишних декламаций,
И на защиту диссертаций
Езжала в университет.
Недаром в обществе старались
Ей потихоньку подражать:
Хвалили, громко заступались,
Или за нравственность боялись,
И торопились клеветать.
Но ложь была такого рода, —
Такая радужная ложь,

Что ей завидовала мода
И восхищалась молодежь.

Барон был муж довольно вялый,
Не делал ни добра, ни зла;
Жена, конечно, не могла
При нем быть женщиной отсталой;
У ней был сын – неглупый малый,
Но недогадливый – в отца.
Когда он в зеркало гляделся,
Чертами своего лица
Он любовался и вертелся,
И этого-то молодца
Учил Камков. Воображаю,
Как он внушал, как прививал
Он философию к лентяю.

Однажды, право я не знаю —
Кто баронессе подсказал,
Что это – золото-учитель,
Что он магистр и сочинитель,
Что он, как древний Ювенал,
Не только знает по-латыне,
Но, что довольно редко ныне,
Прочел Гомера до конца,

И так же изучил глубоко
Язык богов и дух слепца,
Как баронесса Поль де Кока.

Такая новость не могла
Не изумить ее сначала;
Но баронесса отвечала
Спокойно, то есть солгала,
Не покраснев: – я это знала,
Для сына я его брала.

Потом как будто испугалась,
Пошла и села в уголок,
Когда Камков давал урок.
Через неделю оказалось,
Что он, хотя и латинист,
Но вовсе не семинарист,
И так же знает по-французски
И по-немецки, как по-русски.

Как говорит он! Боже мой.
Как мил!
Упала с глаз завеса: —
Он человек передовой, —
Вообразила баронесса.

Ему восторженно внимать,
Ему безмолвно поклоняться,
За ним карету посылать,
Задерживать и в свет толкать,
И за Камкова распинаться
Она повсюду, где была,
За первый долг себе сочла.
Не будь Гамлетом мой ученый,
Он натолкнулся бы на грех.
Решись он смело быть вороной
В павлиньих перьях, – и успех
Его завидный ждал бы в свете;
Но, – бедный, на чужом паркете
Он спотыкаться не желал,
Себя ценил и наблюдал.

Любил он юность, свежесть, стройность,
Наряды, штофы, зеркала,
Картины, мрамор, даже зла
Наружную благопристойность.
Не приглядевшись ни к чему,
Он все любил, – но не по страсти
К кумирам, и не потому,
Чтоб верил, – нет, Камков отчасти

По складу сердца был артист,
А по уму идеалист.
И не людей он ненавидел,
Нет! в них таинственной судьбы
Он временную жертву видел,
Непризванную для борьбы.
Конечно, к диким отношеньям,
От поколенья к поколеньям
Переходящим как завет,
Он чувствовал антипатию;
Но... как дитя, любил Россию,
И верил в то, чего в ней нет.

Всегда с протянутой рукою
Барон Камкова принимал;
Перед ученою женою
Он как-то смутно сознавал
Свое ничтожество; являлся
На полчаса, финтил, играл
С собачкою, – и пропадал.
Жене во всем он доверялся,
И о Камкове отзывался,
Что это перл. Что ж? может быть,
Он знал (недаром же учился),
Как неприлично походить

На петуха, который рылся
В навозе – и нашед зерно
Жемчужное: «К чему оно?» —
Воскликнул и распетушился.
А между тем мой старый друг,
В навозе рывшийся петух,
Как человек обыкновенный,
Был и понятней и сносней
(Хоть может быть и не умней)
Иной, глубоко современной
Нам критики: он не желал
Чудесного соединенья
Душеспасительных начал
С жемчужинами вдохновенья.
Нашед жемчужное зерно,
Он не желал, чтобы оно,
Не переставши быть жемчужным,
Могло быть для закуски нужным.
Он просто-напросто не знал
Ему цены, и браковал.
Конечно, столь же откровенных,
Фортуною благословенных,
Я знаю много петухов.
Они кричат нам: «Для голодных
Не нужно украшений модных,

Не нужно ваших жемчугов —
Изящной прозы и стихов.
Мы для гражданства не видали
От музы никаких заслуг:
Стихи бесплодны, как жемчуг.
Прочь, — это роскошь!» Но, — едва ли
У этих бедных петухов,
Опровергающих искусство,
Изящное простыло чувство
Для настоящих жемчугов?

Итак, мой бедный друг Камков
Бароном не был забракован:
Он скоро был рекомендован
Всем знаменитостям, — иным
Он нравился умом своим
Оригинальным и живым,
Другими сам был очарован.

В те дни Тургенев молодой
Еще на пажитях чужой
Науки думал сеять розы;
Глядел на женщин, как герой:
Писал стихи, не зная прозы,
И был преследуем молвой

С каким-то юношеским жаром,
Что суждено ему недаром
Ходить с большою головой.

Аксаков был еще моложе,
Но – юноша – глядел он строже
На жизнь, чем патриарх иной.
Весь до костей проникнут верой
В туманный русский идеал,
Он счастье гордо отрицал
И называл любовь химерой.

Красноречивый Хомяков,
Славянства чуткий предвозвестник,
Камкову был почти ровесник.
Камков нередко с первых слов
Сходиллся с ними. Разговоры
Их часто до пяти часов
Утра тянулись. – Эти споры
Звал мой насмешливый Камков
Взаимным щупаньем голов.
Иные на него косились,
Потом как будто ничего
В нем не нашли, – и подружились.
Иные, раскусив его,

Тянули на свою дорогу,
Ему замазывали рот,
И льстили; – словом, понемногу
Заманивали в свой приход...
Иные... но мы только знаем,
Что он в сороковых годах
Был на виду, был приглашаем, —
И стал являться на балах.

Вот он на улицу выходит
В еноте, в шляпе и кашне,
Уж ночь. Все глухо. В стороне
Собака лает... кто-то бродит...
Метель, шумя по чердакам,
С дощатых кровель снег сдувает;
Фонарь таинственно мигает
Двум отдаленным фонарям;
Закрыты ставни у соседей;
Высоко где-то на стекле
Свет огонька дрожит во мгле.
– Вот подлинно страна медведей! —
Сам про себя Камков ворчит,
В карман свои перчатки сует,
Глядит, – ну так, платок забыт!
И мой герой с досады плюет.

Вот едет ванька. Ванька – стой!
Не повали меня, он просит
И в сани ногу он заносит
И едет. – Нос его поник
В заиндевелый воротник;
Извозчик клячу погоняет;
Камков сидит и размышляет:
– Кой черт несет меня туда?
А впрочем, что же за беда!
Бал охраняет нашу личность,
Так как никто – и генерал —
И тот не скажет неприличность
Тому, кто приглашен на бал,
Хотя бы этот приглашенный
Был самый жалкий подчиненный.
Бал наших женщин обновил
И нас с Европой породнил.

Так едучи да размышляя
О том о сем, он у Тверских
Ворот очнулся. – Десять бьет
На монастырской башне. Вот
И Дмитровка. Освобождая
Свой нос, глядит он: у ворот
Четыре площадки, – в бельэтаже

Сияют окна. Экипажи
Пустые едут со двора;
Над их двойными фонарями
Торчат, как тени, кучера.
Один из них: «Куда ты, леший!» —
Кричит на Ваньку в воротах:
«Опешил, что ли?» Сам опешил,
Бормочет Ванька впопыхах
И барина благополучно
Подвозит по двору к сениям
На зло горластым кучерам.

Камков идет; – ему не скучно;
Он рад внезапному теплу;
Он всем доволен – завываньем
Оркестра, вазой на углу
Воздушной лестницы, сниманьем
Салопов, обнаженных плеч
Благоуханной белизною,
Блондинкою, что перед ним
Идет легко, шурша своим
Атласом, – стройная, – одною
Рукою платье приподняв,
Другую опустив с букетом.

Камков был прав, смеясь над светом,
Но, и любясь, был он прав,
Когда на все глядел поэтом.

Вот посреди толпы живой
Он озаренный зал проходит,
Тут, слава Богу, мой герой
Два или три лица находит
Ему знакомых; – ухватил
За пуговицу, чуть не обнял
Его один славянофил,
И, милый спорщик, тут же поднял
Вопрос: чем вече началось
Новгородное? – Вопрос
Не бальный, но зато мудреный.
– Мирскою сходкой, – отвечал
Ему Камков. – Захохотал
Славянофил; – но спор ученый
Был как-то скоро прекращен.
Их разлучили. – С двух сторон
Танцующих гремя подьемлет
Летучий вальс своим жезлом;
Толпа ему послушно внемлет;
Вот под его певучий гром
Несутся пары. – Вот кругом

Теснятся зрители. – Меж ними,
Засунув палец под жилет,
Стоит весь в черное одет,
С лицом задумчивым, с живыми
Глазами, с складкою на лбу,
Камков, как некий вождь, впервые
Вдали заслышавший пальбу.

О чем он думает, – в какие
Мечты душою погружен?
Кого в толпе заметил он, —
За кем следит он так прилежно?

В числе танцующих была
Одна особенно мила.
Нежна, как ландыш самый нежный,
Свежа, как роза. – На плечах
У ней (не только на щеках)
Играл застенчивый румянец;
Играл он даже на локтях,
Когда ее, как деспот, танец
На середину увлекал.
В ее глазах огонь пугливый
То вспыхивал, то померкал;
Она переходила зал

То медленной, то торопливой
Походкой; – так была робка,
Так грациозно неловка,
Так непохожа на плутовку,
Что странно, кто решиться мог
Надеть вакхический венок
На эту детскую головку.

Она дитя, – но кто она?
Камков невольно знать желает.
– Кажись, – Таптыгина княжна,
Ему знакомый отвечает, —
А, впрочем, право, черт их знает, —
Я, может статья, и соврал, —
У ней, – он вяло продолжал,
Подняв лорнет, – недурен профиль!
Но я, товарищ старый мой,
На все гляжу, как Мефистофель.
Что делать? пожил, братец мой,
И вкуса в сливах незрелых
Не вижу: – вяжут, черт возьми!
Люблю я барынь угорелых
Лет этак двадцати осьми...

.....

Камков немножко удивился

Таким речам, – посторонился,
И на знакомца своего
Взглянул с усмешкой. – Для него
Такого рода мнение было
Довольно ново – и смешило.

Вот, век живи, подумал он,
Да век учись, – прошу покорно, —
Как выражается задорно.
Камков был сам порой смешон
И странен, – но иначе он
Блохою жизни был укушен,
Иным фантазиям послушен,
Иною солью просолен.

Вот началась кадриль – одна,
Другая, третья, – кто их знает
Какая! – Бал не отдыхает.
В фигуры переплетена,
Толпа скользит; перебегает
Рука к руке; – по жемчугам,
По бриллиантам, по цветам,
По золоту огонь играет,
Тень бегаёт по рукавам,
И музыка гремя сливает

Людские речи в птичий гам.
Кто их послушает, – едва ли
С невольной грустью не вздохнет.
Да, – в нашем обществе на бале
Тот и умен, кто больше врет.

Но не люблю я тем любимых;
Из тысячи произносимых
Слов, вероятно, девятьсот
И девяносто девять были
На этом бале лишены
Значенья, десять зим смешили,
Забыты и повторены.
Греми же, музыка, сильнее,
Рычи, охрипый контрабас, —
Пускай никто не слышит нас;
Себя же слушать не краснея
Давно привыкли мы, – и нам
Недостает лишь только дам,
Чтоб быть подчас еще пустее.

Камков кадрилей не считал,
Но так глядел, и так вникал,
Как будто, право, каждый бантик
В нарядах дамских изучал.

Философический романтик,
Быть может, в танцах открывал
Он всенародное значенье;
Следя, быть может, за княжной,
Он девственной красотой
Проникнут был до умиленья.
Сбираясь на этот бал,
Он, верно, Шиллера читал.

Но тот, кто вечно наблюдает,
Тот часто ходит как слепой.
Так скромный наблюдатель мой
Решительно не замечает,
Как от него близка гроза,
И чьи ревнивые глаза
За ним давно следят на бале.

Вот три часа. – В соседнем зале
По двум раздвинутым столам
Приборы ставят. – По углам
Сидят разрозненные пары.
Кому до танцев дела нет,
Идет в хозяйский кабинет
Курить хозяйские сигары.
Вот и мазурка. – Пышный бал

Подходит к ужину. – Устал
Камков; – уж он спешит убраться,
Уж он спиной к дверям стоит,
Но баронесса оставаться
Ему до ужина велит.
Играя веером, вздыхая
Всей грудью, – словно отдыхая,
Она задумчиво сидит.
Он должен низко наклоняться,
Чтоб слушать; – дама говорит:

– Вы не хотели увлекаться,
И не хотели танцевать,
Я – надо правду вам сказать, —
Вас изучаю...
– Много чести.
– Нет... уверяю вас без лести,
Что вы предобрый человек,
Но, знаете! – больной наш век
Вам повредил, – ваш ум озлоблен
И сердце спит, – не грех ли вам?
– Нет, баронесса, я к балам
Был с юных лет не приспособлен:
Когда я гимназистом был,
Я все змейки пускать любил;

Когда в студенты поступил,
Я самого себя пустил
Под облака, и в них терялся,
Летал – пока не оборвался.
Так прозевал я жизнь и свет.
Танцмейстеру же в тридцать лет
Платить за резвые уроки
И прыгать в образе сороки
Смешно тому, кто учит сам —
Судить людей не по ногам.
– А знаете, что я желаю
Быть вашей ученицей, – и
Боюсь...
– Я вас не понимаю.
– Недавно с вами о любви
Я спорила... вы слишком строги;
Вы забываете, что мы
Простые люди, а не боги.
Конечно, жить в стенах тюрьмы
Я не хочу, – но и на воле
Нельзя всегда на свет без боли
Глядеть. – Вы хоть немножко тьмы
Нам дайте, – для отдохновенья, —
Ну... хоть немножко, – для меня...
Камков любил определенья; —

(Педант – не правда ли, друзья?!)
– Что значит ваша тьма? Позвольте
Спросить? – к роскошному плечу
Склонясь, бормочет он.

– Увольте

От объяснений, – не хочу
Я объясняться, – отвечает
Она поспешно. – На щеках
У ней румянец, – на губах
Усмешка, – тихо пожимает
Она плечом, – опять глядит
Ему в лицо и говорит:

– Что значит тьма? Да разве с вами
Был вечно свет? Да разве сами
Вы... не блуждали никогда?
Ни разу не были счастливы?

– Я, никогда!

– Ужели?

– Да!..

– Так что ж вы так красноречивы!

Вы убиваете меня...

– Но, баронесса, если я
В моих невольных увлечениях
Одно мученье почерпал,
Метался, путался в сомненьях,

Как будто выхода искал
Из лабиринта иль хаоса,
И если самая любовь
Глядела на меня так косо,
Что в жилах не кипела кровь,
А застывала, – неужели
За это надо вас просить
Меня, как варвара, казнить...
Прощайте! – накрывают ужин,
Как кавалер, – я вам не нужен,
К тому же... право – сплю давно —
И даже брежу...
– Уезжайте,
Бог с вами! Мне самой пора.
Итак, m-г Камков, прощайте...
И... до свиданья... до утра...

Глава 3

Ночь на исходе. Снежным комом,
Уединенна и бледна,
Висит над кровлями луна,
И дым встает над каждым домом,
Столпообразным облакам
Подобно; медленно и грозно
Он к потухающим звездам
Ползет.
Неужели так поздно?!
Лениво удаляясь прочь,
У башен спрашивает ночь.
Который час?
– Да уж девятый!
Звонит ей Спасская в ответ,
И ночь уходит. Ей вослед
Глядит, зардевшись, Кремль зубчатый
Сквозь призму неподвижной мглы.
Над серыми его зубцами
Кресты и вышки и орлы
Горят пурпурными огнями,
И утро с розовым лицом
Стучится в ставни кулаком:
«Вставай, лентяй! вставай, затворник!»

И просыпается Камков.
Уже к нему с вязанкой дров
Ввалился неуклюжий дворник.
Вот он на корточках сидит
Перед заслонкою; трещит
Под пальцами его береста,
И печка топится.

«Мороз-то

Какой Бог дал, – такой лихой,
Что инда жгет.

– А что, большой?

– Да так себе, изрядный; галка,
И та, вишь, мерзнет на лету.

Камков (ему как будто жалко,
Что птицу вольную, и ту
Не пощадил мороз проклятый),
Облокотясь одной рукой
На край своей подушки смятой,
Хандрит, и кажется ему,
Что он похож на инвалида,
Что он не может ни к кому
Пристать, как каторжник без вида,
Тайком покинувший тюрьму;
Что предаваться увлеченьям

Не смеет он, и на себя
Глядит герой мой с сокрушеньем,
И мыслит: черт возьми тебя,
Камков! ты никуда не годен.
Вот, погляди: мужик, сей раб,
И так здоров, а ты свободен,
И непростительно так слаб.
Да я б дрова колоть, да я б
Таскать тебя заставил воду,
Чтоб ты здоровую свободу
Благословлял.
Ну, словом, мой
Герой встал левою ногой.

Так он хандрил. – Конечно, это
Хандра минутная была,
Но иногда она вела
Его к стихам; произвела
Его для многих в чин поэта,
Хоть элегических стихов
Своих терпеть не мог Камков.

Блажен, кто с раннею зарею,
Или к полуденной поре,
Проснувшись с свежей головою,

Не спросит: что-то на дворе?
Какая-то теперь погода?
Кому и счастье и природа
Равно всегда благоволят;
Кто сильно молод, иль богат;
Кому в минуты пробужденья
Мечта пророчит наслажденья,
Поет ему: ты мой жених,
Сердечный, милый, ненаглядный,
Тебя на крыльях золотых
Я унесу в чертог нарядный:
Там посреди зеркальных стен
Я проведу тебя украдкой
И положу в истоме сладкой
У трепетных ее колен.
Или поет: мой друг, сегодня
Лети на биржу, да бери
С собою акций пук, да ври
Бессовестней как можно, и
Авось для праздника господня
По-прежнему кого-нибудь
Я помогу тебе надуть,
И будешь ты богаче вдвое,
И разжиреешь на покое.

Или поет: начальник твой
Тебе сегодня улыбнется...
Недаром у тебя так бьется
Сердчишко; ты любимец мой;
Поверь, что у слепой Фемиды
Есть на тебя большие виды,
И накануне именин
К тебе слетит желанный чин.

Итак, друзья, блажен, кто грешен
Без ссоры с золотой мечтой;
Кто ласкою ее утешен,
Тот, верно, левою ногой
Не встанет с утренней постели,
Не скоро сбросит свой халат,
И ни морозы, ни метели
Его блаженства не смутят.

Камков не долго оставался
В своем халате, потому
Что было некогда ему.
Он брился, мылся, одевался:
Ну, словом, выехать спешил.
Едва-едва он не забыл,
Что ровно в десять начинался

Урок, что целый пансион
Девиц учить обязан он;
Что ученицы молодые
Нетерпеливы, что иные
С утра долбят: Платон, Сократ,
Перикл, Софокл, Алкивиад,
И так долбят, и так спешат,
Что даже, не доевши булки
За чаем, посовали их
В кармашки фартучков своих.
Камков, как вижу я, прогулки
В Афины с ними совершал,
Их юность в древность посвящал.

Вот мой герой напился чаю,
И не в Афины едет, – он
На ваньке едет к Ермолаю
В вышереченный пансион,
Туда, где, помавая бровью,
Не раз он с жаром говорил.
Где платонической любовью
Две-три шалуни заразил,
И тем заставил их смириться,
Сидеть прямее, не болтать,
За ним в Элладу улетать,

И чуть не взапуски учиться.

Увы! подснежные цветы,
Прощайте!., выросла крапива,
Дурман, цикорий, хмель для пива;
Деревья, травы и кусты
Уже блестят в нарядах лета, —
Прощайте, детские мечты!
Вы позабыты в шуме света
Под веяньем житейских гроз,
Страстей, борьбы, забот и слез.

Из пансиона к молодому
Барону едет мой Камков
(Хоть он и не совсем здоров);
Но к баронессе, даже к дому
Ее, невольно как-то он
Привык, заметно окружен
Предупредительным вниманьем
Хозяйки: – мог он там курить,
Входить в гостиную, – смешить,
Пугать хандрой, иль отрицаньем
Житейских всяких пустяков.

Так незаметно мой Камков

Стал баронессе тем приятен,
Что был и прост, и непонятен:
Ей нравится не прилагал
Он ни малейшего старанья,
А потому и привлекал.
Ее намеки иль признанья
Полушутливые (давно
Другой бы понял их: одно
Из них мы слышали на бале)
Его нисколько не смущали;
Ее приязнь он принимал
За симпатию убеждений,
Других же тайных побуждений
Покуда не подозревал.
Так ездя на урок с урока,
В науке жизни недалеко
Ушел ученый мой поэт;
Но, говорят, кто с юных лет
Немецкой мудростью напудрен,
Не может быть не целомудрен.

Попробуйте вообразить,
Положим, Гегеля – Фоблазом,
Иль Канта – Казановой, – разом
Поймете вы, что совместить

Такие типы высший разум
И тот не в силах. Только брак
И может сочетать с наколкой
Философический колпак;
И если кофе и табак
Сольются запахами, – смолкой
Их дух не выкуришь никак.

Не странно ль! – Эти замечанья,
Поздней, в час горького признанья,
От самого Камкова я
Подслушал. – Самого себя
Он не щадил нисколько. С этим
Глумленьем над самим собой
Он был (мы от себя заметим)
Гамлетом с русскою душой.
И вспомним кстати, что Гамлета
Тургенев громко освистал.
Но кто же, кто им не бывал
Из тех, кто мыслил и страдал,
Кто раболепно не склонял
Колен пред идолами света,
Кто сердце честное ломал
Об их железный пьедестал,
И кончил тем, что притворился

Юродивым, или смирился?..

От баронессы мой герой
Спешил обедать то в кофейной,
То у друзей, или домой
Летел забиться в угол свой,
Заняться новой книжкой Гейне,
Прочесть романа свежий том
Иль углубиться над трудом
Историка – все, от Гиббона
До современного Прудона, —
Он все читал, как будто мед
Из них высасывал. – Но тот,
Кого считал он великаном,
Кто в черепе своем вмещал
Весь мир, хотя и прикрывал
Философическим туманом
Зерно идей своих, – чей взор
В границах отыскал простор;
Нашел, что дух всему основа,
Для малого и для большого,
Для зла и для добра, – и то,
Что абсолютное ничто
Всему есть вечное начало;
Ну, словом Гегель для него

Был первый друг и запевало.
Из отвлеченностей его
Он много разных истин вывел
И даже – чуть не оплешивел.

О! часто думал я, – родись
Камков мой в Мюнхене, в Берлине —
В философическую высь
Ушел бы мой герой, и ныне,
Быть может, в парике, в очках,
Шумел бы с кафедры – писал бы
Трактат ученый, – издавал бы
В ста двадцати пяти частях
Иль выпускал своих творенья;
В них разрешил бы все сомненья,
Доволен был бы сам собой,
Своей дешевою сигаркой,
Сантиментальною кухаркой,
Или кухаркою-женой,
Своим уютным, скучным домом,
И докторским своим дипломом,
И был бы счастлив.

Не таков
Был мой талантливый Камков.

Он рад был день и ночь трудиться,
Но уверял, что не годится
В московские профессора,
И уверял, что сам предвидит,
Как ничего из-под пера
Его хорошего не выдет.

«Я, – говорил он, – я похож
На скрипача. Едва начнешь
Играть в своей каморке тесной
Какой-нибудь концерт, – едва
Смычок, струна и голова
Сольются в музыке чудесной,
Как вдруг какой-нибудь сосед,
Больной подагрой иль чахоткой,
Стучится за перегородкой
И вам кричит: «Эх, мочи нет,
Мне ваша скрипка спать мешает!»
И вот чувствительный скрипач
От струн смычок свой отрывает
И в нежном сердце ощущает
Такую злобу, что хоть плачь.
Вот ночь проходит. Солнце всходит.
На скрипача опять находит
Охота к солнцу улететь —

И вот опять смычком он водит,
И вот уж гимны стал он петь.
«Чу! кто там?» – «От хозяйки Прошка». —
«Зачем ты?» – «Начали говеть
И просят погодить немножко,
Недельку эту не скрипеть».
И вспомнил он, что и намедни
Его просили не играть,
Затем, что поп прошел к обедни.
Что делать бедняку? Искать
Другое местопребыванье,
Иль оказать непослушанье?
А так как робость на него
Нашла, что выгонят его
С квартиры на мороз без денег, —
Карман-то, видно, был пустенек, —
То вы из этого всего
И выводите заключение».
Камков был мастер на сравненья;
Он, вероятно, испытал,
Что значат камни преткновенья,
И с видом остряка желал
Перед друзьями оправдаться,
Но он от этого, признаться,
Ни выиграл, ни проиграл.

Чудак! писал бы, да писал,
И верно бы не хуже многих
Судей решительных и строгих[15]
К нам в просветители попал.
Чего ему недоставало?
Знать, не было геройства? Да,
Такого свойства, господа,
В моем герое было мало,
А без геройства, черт возьми,
Как трудно ведаться с людьми!

Уроки, чтение, споры, боже!
Ужели все одно и то же?
Но дни бегут, как за волной
Волна, сказал бы я в сравненье,
Когда бы с русскою зимой
Могло мое воображенье
Себе представить волн теченье...
Стояли реки в берегах,
Но дни к весне текли, – и ночи
Заметно делались короче,
Хотя по-прежнему мороз
Знобил народ, и зябкий нос
Краснел порядком. Но едва ли

На то вниманье обращали
Все те, кому везде тепло,
Куда бы их ни занесло.

Пусть в берегах река застыла
И снегу много намело,
Москва по-прежнему кутила
Природе пасмурной на зло.
В сердцах, по милости лохматых
Шкур, содранных с лисиц, волков,
Медведей, котиков, бобров,
Зверей, ничем не виноватых,
По милости печей и дров,
Играла кровь, вставали страсти,
Просили счастья, денег, власти,
И волновались зимой
Еще сильнее, чем весной,
Одним на смех, другим на горе.

И вот нечаянной волной
Страстей волнуемое море
Плеснуло даже на него...
Да-с, на героя моего
Оно плеснуло. Он забылся, —
Не остерегся и влюбился,

Как некий отрок. Но в кого?
Вопрос, – ужели в баронессу?
Что ж, разве это мудрено:
Ей двадцать девять с лишком, но
Она свежа, она повесу
Любого может вдохновить
И сон блаженства подарить.
И этому Бальзак нисколько
Не удивился бы. Отец
Тридцатилетних дам настолько
Знал глубину людских сердец,
Что зрелых женщин страсти зрелой
Он отдал пальму первенства
Перед волненьями едва
Не плачущей, в любви несмелой,
Неловкой девушки. Он знал,
Конечно, для кого писал.
Камков и сам был почитатель
Большой Бальзака, – для него
Он был с достоинством писатель,
Но не оракул; оттого
Быть может, что в его натуре
(Равно как и в его фигуре)
Вы не нашли бы ничего
Французского. Камков повесой

Увы! – ни разу не был, и
Поэтому, друзья мои,
Не мог плениться баронессой:
К ней привык и, так сказать,
Уж слишком начал уважать
В ней ум и сердце, а известно,
Как это чувство неуместно
Там, где великий самодур
Шалит и тешится Амур!
Амур – и мой Камков! признаться,
Довольно странная игра
Судьбы, но мне давно пора
Судьбе ни в чем не удивляться.

Глава 4

Судьба, ты русло жизни. – Ряд
Случайностей неуволвимых,
Неровность почвы, цепь преград,
То шатких, то неодолимых —
Определяет вечный скат...
Жизнь русская не водопадом
Слетела с каменных вершин,
Не сыпалась жемчужным градом
И не спешила – среди долин,
Освободясь от пышной пены,
Под сенью дремлющих раин,
Плескаться в мраморные стены,
И не видала над собой
Протянутую в золотой
Короне листьев – роскошь сада,
Плетенку с кистью винограда.

Нет! наша жизнь текла иной
Дорогой, – тихою рекой;
Над ней таинственно шумели
Непроходимые леса,
И северные небеса
В ней отражались...

Помню мели
Песчаные, волнистой мглой
Подернутые, – сосны, ели,
Солому, копоть, волчий вой,
Песнь заунывную, далекий
Звон колокола, одинокий
Шалаш, костер, кой-где следы
Пожара, да из-под воды
Виднеющиеся пороги.

И долго я искал дороги,
И медленно, где только мог,
Я плыл, толкая мой челнок,
И верил я в существованье
Иных, счастливых берегов:
Мне говорил об них Камков,
Герой недавнего преданья.

Не раз в излучинах реки
Сходились наши челноки...
Он старше был, пловец усталый,
Я был пред ним ребенок малый,
И он учил меня веслом
Махать смелее. Вдруг пахнуло
На нас метелью... Все кругом

Вдруг побелело, и потом
Его чуть в тину не втянуло,
Меня чуть не затерло льдом.

И я мой челн разбитый бросил.
Порой на берег выхожу:
Там вижу я обломки весел
И пригорюнившись сижусь...
Взломало лед – и те же волны
Стремятся вдаль, и по волнам
Плывут других другие челны
К обетованным берегам.
Привет вам, братья! Путь счастливый!
Я по пословице правдивой —
«Рыбак узнает рыбака»,
Вас узнаю издалека.
Привет вам, братья! Но не знают,
Знать не хотят, не узнают
И на привет не отвечают —
И мимо берега плывут...

Пойду домой. Что ж делать дома?
Дремать ли? Пчелку ли читать, —

За Гарибальди улетать...
Или пародии писать,
Иль живописного альбома
Переворачивать листы,
Встречать неверные черты
Знакомых лиц, глядеть на виды
Кавказа дикого, Тавриды
Покинутой, степей пустых —
И вызывать воспоминанья,
И смутно чувствовать, что в них
Нет прежнего очарованья?
Ужель разочарован я?!
Давно ли!.. Да, мои друзья,
Кто в самого себя лишь верит,
И говорит, что вера в нем
Еще кипит живым ключом,
Тот или недалек умом,
Иль очень тонко лицемерит.
Что значит верить в самого
Себя... в себя, – в свою особу! —
Нулем быть, подвигаться к гробу
Отдельной точкой, ничего
Кругом не видеть, злою жаждой
Томиться вечно, ибо каждый
Из нас, каких бы ни был сил,

Один – ничтожество, и гений
Без дружных рук, без увлечений
Простынет, если не простыл.

Где сердце тухнет, где не светит
Сей факел гордого ума,
Там, может быть, вопросов тьма
Из жизни встанет; жизнь отметит
Их, может быть, но не ответит
Ни на один из них —
Любви!
Огня, огня побольше!..

.....
.....
.....

Давно один сижу я дома,
Не слышу прежних голосов...
И снится мне мой друг Камков,
Невольно снится!
Вам знакома
Его каморка – стало быть,
Начну короче говорить.

Что делает Камков? Читает —
Статью ли пишет? Нет, страдает.
Но – что за вздор! ужели он
Серьезно, не шутя влюблен!
Спросите. – Этого не знает
Пока никто, а за него
Я, право, не могу ручаться.
Он может вдруг опять приняться
За философию. Тогда
Мы будем с носом, господа,
И первый буду я сконфужен.
Скажите, без любви кому
Тогда роман мой будет нужен?

Конечно, другу моему
Не чужды были увлеченья,
Но – это были треволненья,
Похожие на вдохновенья;
Он как-то вспыхивал и – гас.
Я знаю, что Камков не раз
Пленялся красотой женской,
То городской, то деревенской,
Пленялся выраженьем глаз,
Пленялся милой простотою,
(Неужто более ничем?)

Но он до глупости был нем,
Суров до самоотречения,
До невозможности желать
Взаимности... Я размышленья
Его могу вам передать.
– Камков! он думал: – ты опять
За старое... тебе ли с рылом
Суконным да в гостиный ряд!
Ты в одиночестве унылом
Уже заплесневел, измят
Ты рано внутренней борьбою...
И ничему не поддался,
И ни за чем не погнался.
Тебе ль роскошничать! Что страсти?!
Ведь это роскошь жизни. Мне ль
Сгорать и млеть у них во власти?
Вон на дворе шумит метель...
В окошки дует... сыро, чадно...
Бюст Пушкина один парадно
Стоит и лоснится в угле.
Поэт! спасибо! (хоть за это,
Бедняк, благодари поэта!)
Вот – беспорядок на столе,
И старых лексиконов томы
Таковыми кислыми глядят,

Что, кажется, чихнуть хотят.
Увы! в такие ли хоромы,
К иным мечтам приучена,
Взойдет она – моя жена,
Иль хоть любовница?.. Быть может,
Любовь моя все превозможет.
(Все может стать на беду!)
Чем я отпраздную победу?
Вдвоем с ней к Печкину пойду
Или в Сокольники поеду?..

.....

Извольте видеть, господа,
Как размышлял он иногда.
И размышляй всегда он эдак, —
Я б убедился напоследок,
Что из героя моего
Не выйдет ровно ничего.
Байронствующий Подколесин,
Он был бы для меня несносен.
Но не любил он, а мечтал:
Неизъяснимый идеал
Неизъяснимой красотой
Его дразнил, манил и ждал.
Перед больной его душою
Он встанет тенью молодой,

Неуловимой, роковой,
И ум его не развенчает
Ее чела... Недаром он
Как бы предчувствием страдает —
Как будто чем-то огорчен.
Сердит, – и не подозревает,
Как он велик и как смешон.

Вот он на циферблат косится,
Семи часов зачем-то ждет —
Как будто опоздать боится,
И в то же время тайно злится,
Что стрелка медленно ползет.

У баронессы он обедал,
И хоть шампанского отведал,
Но был не весел, и домой
Пришел сердитый. —
– Боже мой!

Ему сказала на прощанье
Жена барона, – вас просить
Хотят, через меня, учить
Одно премилое создание, —
Княжну Таптыгину. Ей лет
Шестнадцать, и она уж в свет

Пустилась. Думаю, учиться
Ей некогда: к тому ж она
Собою очень недурна;
За нею станут волочиться,
И уж волочатся.

– Но я, —

Сказал Камков, – уж две недели
Хожу к ним в дом, и вам меня
Просить не нужно.

– В самом деле!..

Уже?!

И взор ее скользнул
Куда-то в сторону. Минута
Прошла в молчанье. Почему-то
Герой мой фрак свой застегнул,
Вздыхнул и руку протянул
За шляпой.

– Признаюсь вам, – рада
Я за княжну, но не за вас...

– Во всяком случае мне надо
Спешить домой... Который час?

– Опять домой? Ну погодите,
Не важничайте. Расскажите...
Неужели не скучно вам

Сидеть с княжной и по складам
Ее учить! Княжну я знаю:
Она мне дальняя родня,
Хоть и бывает у меня
Довольно редко. Князь – отсталый
Помещик и гордец немалый.
Подчас хвастун и враль большой.
В разводе с бедною женой,
В долгах по горло, утопает
В шампанском и лакеев бьет.
Дочь с папеньки пример берет,
И маменьки не уважает:
Как та ее ни умоляет
Видаться с ней, – она как лед,
И нет в ней сердца. Гувернантку...
Ну, словом, эту англичанку...
Кто ей нашел, когда отец
Любимую свою цыганку
Прогнал из дома наконец?
Я и княгиня. – И ужели
Княжна умна! Вы две недели
Даете ей уроки – ну,
Как вы находите?
– Княжну
Я мало знаю... – Не успели

Вы раскусить...

– Да, – подтвердил

Камков: – еще не раскусил.

И баронессе показалось,
Что он надулся. Подошла
Она к роялю, провела
Рукой по клавишам, взяла
Аккорд и громко засмеялась:
– Ах, чтоб раскусывать, у вас
Недостает зубов подчас:
Вы только мастера кусаться!

Камков упрямо стал прощаться,
Сказал, что едет на урок.

– Я б заперла вас на замок,
Я посадила бы вас в клетку,
Когда б могла! Зачем вы редко
Являетесь? По четвергам
Зачем вас нет... И как же вам
Не грех, не стыдно?!
Так игриво,
И строго, и полушутливо,
С особенным уменьем дам

Великосветских баронесса
Его бранила и была
Любезна. Вдруг – оборвала
Поток речей, не подала
Руки, и вышла вон...
– Мила,
Как бес; но похитрее беса! —
Подумал про себя Камков...
Домой пришел он в шесть часов
И трубку закурил, и ходит,
Как будто места не находит
Или не знает, что начать;
Но вы, друзья, хотите знать,
Как мог Камков, от обожанья
Прелестной женщины, с таким
Умом и сердцем развитым,
Дойти до странного желанья
Противоречить ей, сердить
И даже иногда с ней быть
Ей-богу чем-то вроде буки?
Давно ли он почти без скуки
Мог с нею время проводить,
Смеяться, спорить, говорить
С ней об открытиях науки,
И об искусствах, и о том,

Куда мы наконец идем,
Какая всех нас ожидает
Судьба, – и прочее. – К тому ж
Жена мила, доверчив муж,
Сын туп – и все как подобает.

Давно ли странный мой герой
Был далеко не хладнокровен.
Когда Моцарт или Бетховен
Был оживлен ее игрой,
Когда рояль ее гремела,
Как божий гром, иль нежно пела
И слышался кристальный звук
Под пальцами искусных рук;
Когда у ней лицо горело,
И темные, как ночь, глаза
(Которых ни одна слеза
Не оросила) покрывались
Блестящей влагой и к нему
С заветной тайной обращались.
Когда – бог знает почему —
Она невольно любовалась
Своим влияньем... то терялась
В мечтах – была оживлена,
То становилась вдруг бледна,

Игру внезапно прерывала,
И говорила: «Что же вы
Молчите?» – и сама молчала,
Не поднимая головы.

Когда она его встречает
И руку нехотя дает,
И так же нехотя берет
Ее назад, – не отвечает,
Или глазами провожает,
Когда он хочет, не простясь,
Уйти домой в урочный час,
Ужели он не замечает
В ней перемены, и не льстит
Его такая перемена!
И он не ждет – не дорожит
Минутами!
Какая пена
Морская, взбитая волной,
Сравнится с млечной белизной
Ее роскошных плеч и шеи?
Чей голос мягче, взор смелей?
Что в свете может быть темней
Ее волос? Они, как змеи,
Крутятся – и Камков не раз

Их видел, издали косясь,
И перед поздним балом в бальном
Костюме он ее видал,
И утром иногда встречал
Ее у сына – в белом спальном
Наряде, в блузе и чепце,
С дремотной томностью в лице,
С тем тонким, неостывшим жаром
Постели, ночи и всего,
Что было тайной для него;
В том неглиже, в котором даром
Не любят женщины себя
Показывать: они любя
Или по дружбе позволяют
Собой пленить нас по утрам;
Лишь те, которые снимают
С них мерку, этого не знают;
Башмачник, например, для дам
Что значит? – ничего!..

.....

Тогда протянутая ножка
Бесчувственна – и стало быть
Башмачник может приходить
В тот ранний час, когда окошко
Еще завешено, и свет

Дневной из-за пурпурных складок
Скользя глядит на беспорядок
Счастливой спальни. Но поэт —
Философ – словом, мой ученый
Для баронессы был персоной,
А не ремесленником; с ним
Нецеремонность эта с детства
Была бы в ней не чем иным,
Как только шалостью кокетства
Или затеями любви.

Как баронесса умудрилась
В него влюбиться? чем пленилась?
Иль, может быть, у ней в крови
Везувий тлеет! – К чему напрасно
Судить, рядить иль обвинять!
Природа – деспот: самовластно
Царит и любит направлять
Людей на собственные цели,
Чтобы не слишком разжирели,
Чтоб не застаивалась кровь —
И посылает нам любовь.

И все это герой мой видел
(Хоть и не скоро увидал).

За что ж природу он обидел?
За что, злодей, возненавидел
Ее кокетство? – Дурь нашла,
Или природа обожгла
Его за то, что он, случайно,
Как трус, ей в очи заглянул,
Иль по незнанью оттолкнул
Он чашу с нектаром, и тайно
Раскаивался в этом? – Да,
Была минута, господа...
И он домой пришел смущенный,
Почти всю ночь не спал и, сонный
Страдал, как будто кошмар
Его давил...
Что это значит?
Не то ли, что любви запрос
Того, кто в бедности возрос,
Всегда сначала озадачит?
Не то ли, что сердечный жар
Мог заразить его? Горячка
Не так прилипчива, как то,
Чего мы скрыть не в силах. Кто
Матрос, того морская качка
Не может не качать: унять
Ее по щучьему веленью

Нельзя: попробуйте придать
К любви сомненье, к увлеченью
Рассудок или долг – и вас
Начнет покачивать как раз.

И долго был обуреваем
Камков, и у него едва
Не закружилась голова.
Он устоял – мы это знаем.
Минервы зоркая сова
Спугнула голубей Венеры,
Он заглянул в лицо Химеры...
И не завидую ему
И не браню, а потому
И ставлю вместо восклицанья
Недоумения крючок?

Там, где блаженство, где страданье,
Там, где кипит страстей поток, —
Что добродетель? что порок?
Кого винить? чем восхищаться?
Кого безжалостно казнить?
Пред кем безмолвно преклоняться

Что значит в женщине губить

Покой души иль сердце, – быть
Любимым и не откликаться?
Или любя ее, не сметь
К ней прикоснуться? маску скинуть
И вовремя ее покинуть —
Или, напротив, не иметь
Довольно сил, чтоб с ней расстаться,
Когда мы знаем, что она,
Любя другого, нам верна?
Притворством удовлетворяться,
Иль недовольно притворяться?
Кто лучше, выше, наконец,
По мненью света в век наш зрелый
Ум пламенный, в разврате смелый,
Иль благороднейший глупец?
Та девушка, что отдавалась
Любви и счастью сполна
И, судьями оскорблена,
Наплакалась и настрадалась —
Или бездушная жена?

Все лицемерие отбросив,
Скажите – оттого ль смешон
Нам будет нынешний Иосиф,
Что он в разврат не посвящен

И что за это фараон
Его в темницу не посадит,
А бог казной не наградит?

Вопросов тьма. Кто с ними сладит,
Кто их обсудит и решит?
Любви и счастья кодекс верен
Старинным спискам, но давно
Кой-кем то здесь, то там похерен —
Справляться стало мудрено.
Различно каждый понимает.

Ужель Камков воображает,
Что философия должна
Другие сердцу дать уставы,
Что, наконец, решит она,
В чем наша воля, в чем мы правы?
Или намерен он создать
Теорию любви сначала.
Чтоб хоть идея оправдала
Его любовь, чтоб он сказать
Мог смело, почему он любит —
И гибнет сам иль жертву губит? —
Или он думает: любя
Жену другого, подкупая

Лакеев, мужа надувая, —
Как он посмотрит на себя?
И если правде он изменит —
Чем он в душе ее заменит? —

Не правда ли, для многих он
И непонятен, и смешон?
А будь он просто человеком,
Таким как все, как вы да я.
Не спорь в душе с лукавым веком
И наконец не мучь себя
Пустой, но честною борьбою, —
Он был бы фронт во всей красе,
Ему б завидовали все.

Итак, Камкову не давалась
Любовь – он это видел сам
(«Где тонко, там и рвется»). Вам
Самим, я думаю, случилось
Такие страсти испытать:
Их, право, можно доконать,
Перекрестившись, в две недели.
Я этот срок нарочно дал,
Ибо герой мой, в самом деле,
Их в две недели доконал.

За что ж, однако, баронессу
Он хитрой женщиной назвал
И даже уподобил бесу —
За что? За то ли, что она
К нему немножко ревновала?
Кто ж не ревнует? Что княжна
Ее немножко напугала,
Что бестолковый мой герой,
С тех пор, как занят стал княжной,
Все брови хмурит – уверяет,
Что он страдает головой,
Что он, быть может, ей мешает,
Когда заходит по утрам
К ней в кабинет – учтив и скучен,
И стал заметно равнодушен
К ее радушным четвергам?

(А четверги друзьям открыты —
Друзьям прогресса и молвы,
И летописцами Москвы,
Конечно, будут не забыты.)

Никто на этих вечерах
Не мог читать у ней в глазах,

И сдержанное нетерпенье
В ней истощилось – перешло
В тревожный сон, недоуменье.
В желанье дерзкое – на зло
Всему, во что бы то ни стало,
Им овладеть... Она страдала.
Конечно, ей не привыкать
Страданье смехом прикрывать;
А кто привык – тому не надо
На это хитрости большой.

Так ошибался мой герой;
Но говорила в нем досада.

– А! – думал он, когда домой
Шел вечером: – вы не щадите
Княжны, вы рады клеветать
На девушку – и вы хотите,
Чтоб я был весел!.. Нет, пора
Мне отрезветь! Мне надоели,
Мне скучны ваши вечера:
Ни зла в них нету, ни добра.
Какая польза, в самом деле, —
Пред этой светскою толпой
Мешать науку с болтовней,

И, никого не убеждая,
Хозяев тешить ради чая?
И все, что вызвано трудом,
Нуждой, бессонными ночами,
И жаждой знанья, и слезами,
Нести, как дань, в богатый дом,
Где все так праздны, все так ложно?..
Но, признаюсь вам, невозможно
И передать всего того,
Что лезло в голову его.

На подмороженные лужи
Ступая всей своей ступней,
Не чувствуя вечерней стужи,
Он шел с поникшей головой.
Но... не забыл он об уроке...

Заря бледнела. На востоке
Туман лиловый холодел,
Над кровлями и над крестами
Ночь тихо двигалась. Блестел
Зенит вечерними звездами.
Москва подобно небесам

Спешила засветить другие,
Таинственные, но земные
Созвездия – и к фонарям
Послала буточников. Вам
Известно, что и с фонарями
В Москве, как в небе со звездами,
Порой так глухо и темно,
Что можно заблудиться; но,
Друзья, примите в рассужденье:
Чем пасмурнее освещение,
Чем наши улицы грязней,
Тем вдвое больше наслажденья
Сидеть в семье иль у друзей,
Или с возлюбленной своей
Перед шипящим самоваром,
Вести приятную вдвоем
Беседу (ворковать), иль ром
В чай подливая, спорить с жаром,
И жизнь халатная тогда
Милее вдвое, господа.
Камков не ездил за границу,
Не видел газовых пучков
Огня при блеске зеркалов,
И нашу древнюю столицу
С материальной стороны

Считал тогда довольно сносной.
Теперьешние крикуны
Тогда ходили с рожей постной,
И громко ни один из них
Не смел бесчестить мостовых...
Их фельетоны были слабы
(То были розы без шипов).

Но, господа, – бьет семь часов.
Куда стремится мой Камков
На подрезях через ухабы?
Вот площадь, вот гостиный ряд,
Огни, возы, крестьяне, бабы,
Кадушки, клетки... вот стоят
На хвостиках, развесив уши,
Свиной мороженые туши...
Капустой пахнет... вот висят,
Как бусы, пресные баранки;
Стоят мальчишки над лотком,
И сбитень пьет под фонарем
Приказный...
Ковыляют санки —
Камков не видит ничего.
Мир будничней пред ним мелькает,
Он брызжет грязью на него,

Когда в ложбину попадает;
То Ваньку за кушак хватает,
То упирается в задок.

Камков стремится на урок.
(Урок – обязанность святая...)
И едет он, не забывая,
Что ждет его семья друзей,
Стаканы с чаем, кренделей
Тарелка, трубка, разговоры
На тысячу ладов, мечты,
Приятельские остроты,
Философические споры,
И Б., и К., и Г.[16], и тот,
Кого он скоро обоймет
В последний раз и вдаль проводит
И тот, кто Гейне переводит,
И тот, кто вечно всех смешит,
И тот, кто иногда грустит
О запертой на ключ невесте...

Когда они сбирались вместе —
Никто из них не козырял,
Не напивался: пьянство, карты
К иным из них – увы! – поздней

Пришли – уже на склоне дней,
Когда Баконы и Декарты
и Гегели от нас ушли,
Как волны теплого тумана,
Что поутру, поднявшись рано,
Плывут с прозябнувшей земли
Через верхушки леса в небо,
Не зная сами, что весной
Под их волнистой пеленой
Для зерен будущего хлеба
Спасительная теплота
Была незримо разлита.

Друзья Камкова собирались
В тот вечер целою семьей
Затем, что мысленно прощались
Уже друг с другом; разлетались
Они с грядущею весной...

Но мы их общество покинем
И в новый, незнакомый дом
Отправимся.
Пора! – войдем.
Суконный занавес раздвинем,
Отворим лаковую дверь,

Посмотрим, где-то он теперь
Герой наш? Вот он, – новой сферой,
Как чародейством, окружен,
Как будто воодушевлен
Или проникнут новой верой
(Таков его вечерний вид),
В уютной комнатке сидит
Перед молоденькой княжною,
С раскрытой книгой под рукою.
И две свечи пред ним горят,
И девушки глаза блестят
Своей прозрачной глубиною —
В них от ресниц ее порою
Тень неподвижная стоит.
С наивным, робким изумленьем
Она ему в лицо глядит,
Как будто все, что говорит
Камков, каким-то странным пенъем
Ей кажется. Ее уста
Полураскрыты... грудь не смеет
Дышать, как будто тихо веет
Пред ней великая мечта
О жизни... словно провиденье,
А не учитель перед ней
Сидит и разъясняет ей

Души святое назначение.
На землю сводит небеса
И в этом видит чудеса.
То прозу, то стихи читает,
Не спрашивает ни о чем,
Вопросы сам подозревает,
Молчит с минуту – и потом
За ученицу отвечает
Так просто и с таким лицом
Спокойно-ясным, что, признаться,
Друзья, вам может показаться
При этом случае, что он
Порядочный хамелеон.
Куда девалась вся досада?
Где эта глупая хандра?
Но, господа, уже пора
Давно, чтоб с силами собраться,
Мне с этою главой расстаться.
Как змей, что, сбросив чешую,
Об ней уж больше не хлопчет,
Так я четвертую мою
Главу бросаю с плеч. Кто хочет
Поднять, пусть поднимает, кто
Желает затоптать, пусть топчет...

.....

Зоил бранит – поэт не ропчет.

Глава 5

Зачем стихи, зачем не проза?
Зачем не тополь, а береза?
Зачем не лето, а зима —
Не свет, а тьма, и вечно тьма.
Все покрывающая разом:
И тупоумие, и разум,
И честный подвиг, и обман,
И ваш протест, и мой роман?..

Когда стихи журчат и льются,
И свежи, как поток лесной,
Или как черти над водой
Поют и воют и смеются, —
Я вслед за ними уношусь
И ближе к жизни становлюсь,

И чувствую, что жизнь больная
Мне не чужая, а родная, —
Родная, кровная моя,
Что с ней невольно связан я
То ненавистью, то любовью,
Как чуткий нерв с живою кровью,

Как с морем зыбкая волна,
Или как с арфою струна.

Когда богиня песнопений
Не хочет знать моих сомнений,
Когда, свободная, она
Все то, что может, то и смеет,
К тому и льнет, кого жалеет;
Когда, не внемля никому,
Она свои меняет страсти —
Я как дитя у ней во власти...

Я сам не знаю, почему
Она так дорожит Камковым.
(Увы, друзья, таким неновым,
Непоэтическим лицом!)
Иль старое все так же ново?
Иль новое не зрело слово?
Или у вечно-молодой
Камены умысел иной?..
Иль эта прихотница хочет,
Пускаясь за героем в путь,
Меня, и вас, и всех надуть?
Или она о том хлопочет,
Чтоб пицу дать моим врагам

И накормить их до упаду?..
Не знаю!.. Зажигаю вновь
Мою вечернюю лампаду
И вновь пою, врагам в усладу,
Камкова и его любовь.

Итак, в назначенные сроки,
А именно по середам
И пятницам (то вечерам),
Он стал княжне давать уроки.
Иных – поверьте, господа, —
Иных девиц учить беда
Тому, кто слишком деликатен.
Камков был вежлив, был приятен,
Уступчив, но и он подчас
Был раздражителен. Не раз
Большая желчь его страдала.
Кому приятно убеждать,
Что дважды два совсем не пять?
Он утомлялся – и, бывало,
С душой измученной спешил
Домой, ложился и хандрил.

Уж я не знаю, оттого ли
Камков взялся княжну учить,

Что и в тисках суровой доли
Не позабыл, не мог забыть
Ту ночь, тот бал, как сон минувший,
Тот образ девушки мелькнувший...
Тот образ ангела без крыл,
Который так его пленил.
Иль мой философ простодушный
Взялся за подвиг оттого,
Что оставалось у него
Довольно времени...
Признаться,
В последнем можно сомневаться.

Начав учить княжну, он был
Так вежлив, что не приступил
К экзамену; нашел, что поздно
Учить грамматике. Серьезно
Он это все сообразил,
Или, подкуплен красотой,
С своею совестью хитрил.

Еще не ведая, не зная,
Насколько милая княжна
И развита, и смышлена,
Он стал учить ее, читая

Любимых авторов своих.
Читая Пушкина, Кольцова,
Он разбирал их каждый стих.
Докапывался до живого,
До сердцевины – и потом
В теорию вплетал картины
Из русской жизни, без затей
Мешая были наших дней
Со временами пугавщины[17].
Он стал беседовать с княжной
Как будто с очень развитой
Девницей – и негодованья
На общество, на ложь, на зло
Он не скрывал, и упованья
Свои высказывал (зело
Он верил, что заря мерцает,
Что грязь местами подсыхает
И что недаром Гоголь нас
Колол не в бровь, а прямо в глаз).
Он говорил не запинаясь
И уж, конечно, не стесняясь...

Меж тем, в глубокой тишине,
Мисс Плэд сидела в стороне
И, свесив локон, наклоняла

Седую голову – читала,
Писала письма, иль вязала
Пред лампой с темным колпаком,
Филейным шевеля крючком.

Мисс Плэд – Ларисы гувернантка
Была отчасти пуританка,
Пять лет в Париже провела,
Перевела трактат о рабстве
И, говорят, сестрою в братстве
Евангелическом была;
Отлично знала по-французски,
Но... трудно говорить по-русски.
По-русски слов до десяти
Она могла произнести.
Когда же слушала Камкова —
Не понимала ни полслова,
Что не мешало ей подчас,
Немного щуря левый глаз,
Поглядывать с недоуменьем,
О чем Камков мой говорит
Княжне с таким одушевленьем
И почему она молчит.
Княжны суровая пугливість,
Задумчивая тишина

Ее лица, неторопливость
Ее движений, глубина
Очей лазурных, молчаливость,
«Да», «нет» и больше ничего —
Все это друга моего
Сначала трогало, и было
Ему так ново и так мило;
Потом сомненье вдруг нашло,
Как тень, на бледное чело
Доверчивого педагога.
Однажды – на грядущий сон —
«Уж не глупа ль?» – подумал он...
И думал он об этом много
И долго мучился. «Княжна
Такая странная! кто знает, —
Твердил он, – может быть, она
Меня совсем не понимает.
Но... господи! как хороша!
Мадонна в детских сновиденьях
Рафаэля!.. Что за душа
В глазах, во всех ее движеньях
Какая прелесть!.. Пусть она
Неразвита и не умна...
Зато... и не глупа же очень...»

В одну из пятниц, озабочен
Таким сомненьем: – «Нет же, нет! —
Он мысленно себе в ответ
Твердил упрямо, – нет, глазами
Такими тупость не глядит!
Она меня благодарит
И молчаливыми устами,
И этим взглядом. Боже мой!
Как я неправ перед княжной!»

И вот проклятый Мефистофель
(Московский, стало, без затей)
Ему над ухом шепчет: «Эй!
Не слишком вглядывайся в профиль
Княжны загадочной своей.
Ведь это не мечта поэта
И не мадонна, в бездне света
Меж ангелов по облакам
Грядущая, и не Психея
Из мрамора, среди музея
Поставленная знатокам,
Таким, как ты, на удивленье:
Нет, это смертное творенье —
Княжна Таптыгина... Простись
С надеждами – и отвернись!

Ведь ты и чижика под сетью
Держать не станешь; стало быть,
Тебе, мой друг, обуха плетью
Вовеки не перешибить!»

Так бес поддразнивал Камкова.
Он знал, с чего ему начать.
Другое на ухо другого
Он, верно, стал бы напевать.
В аристократку педагога
Влюбить – задача недурна,
Особенно для психолога.
Конечно, швейка и княжна,
Мещаночка и баронесса
Для любознательного беса
Все одинаково равны,
Все для него испечены
Из одного того же теста:
Но – у людей разряды есть,
У всякого свое есть место,
Своя особенная честь,
И надобно, чтоб грех попутал,
Чтоб кто-нибудь все это спутал...

Пусть говорят: «Попутал грех!»

Я, господа, греха не вижу
В том, что люблю и ненавижу,
Кого хочу... Но едкий смех,
Надменный тон, расчеты света,
Мертвящий холод этикета,
Сердец продажных маскарад —
Какой любви не охладят,
Кого не оттолкнут?
Далеко
От шума светского жила
Моя княжна. Она ждала,
Как развлечения, урока...
И тишина была кругом,
Когда Камков являлся в дом.
Сам князь в ту зиму был в отлучке.
Пустым казался бельэтаж,
Когда Камков касался ручки
Звонка. Дверей парадных страж,
Швейцар, являлся без ливреи;
Лакей в душе, как все лакеи,
Почуя носом бедняка,
Глядел немного свысока,
И молча принимал Камкова,
Как господина, нанятого
В известный час, в известный день,

Тревожить княжескую лень.
И как обычный посетитель,
Шел без доклада мой учитель.
Сперва по лестнице шагал,
Потом через холодный зал,
Покашливая, направлял
Свои шаги он к коридору
Довольно темному, к дверям,
Завешенным ковром, – и там
Встречал застенчивую Лору,
Или Ларису – у окна
Или у лампы с книгой. Станный
Был взгляд у ней, когда она
Его встречала. Так со сна
Глядит на вас ребенок, рано
Разбуженный и чем-нибудь
Приятно изумленный. Грудь
Прикрывши книжкой, подходила
Она к столу, не говорила
Ни слова и была бледна.
Она к уроку приступала
Как будто к таинству; она
Как будто молча изучала
Камкова. (Мой ученый друг
Стал унывать.) Она молчала,

Молчала три недели – вдруг
Пришла в себя, заговорила,
И так Камкова изумила,
Что он... и руку протянул,
И усмехнулся, и вздохнул
От радости... И боже мой!
С какой милой простотой,
С какой улыбкою приветной,
С какой искренней, заметной
Доверчивостью начала
Она с ним говорить!.. Призналась,
Как в первый раз она боялась
Его прихода; как была
Она тупа и как страдала,
Когда его не понимала.
– Я думала, что на меня
Вы будете кричать, – сказала
Она, ресницы опустя,
С зардевшимся лицом, – ведь я,
Сказать по правде, бестолкова.
Так например, что значит слово
«Сосредоточенность?..» Потом
Княжна, чертя карандашом
Какой-то нос в пустой тетрадке,
Сказала: «Не могу смекнуть,

Что значит «личность». Брань, нападки
Или другое что-нибудь?»

Не повторю вам объяснений,
Всех выводов и заключений,
Всего того, что говорил
Герой мой и чему учил:
Нет, вы сочли б за неприличность,
Когда б я стал вам объяснять
В стихах, как надо понимать
«Сосредоточенность» и «личность».
Все это нам давным-давно
Журналами объяснено.

Хоть личностью в толпе безличной
Из нас никто не знаменит,
Но каждый фронт иль фат столичный
Вам все на свете объяснит.
Он летом, по дороге с дачи
На дачу, весело решит
Все философские задачи,
И уж конечно разберит
Идеалистов. В наше время
Другое выплывает племя —
Не любит слова «идеал».

Ах, это слово!.. это слово
Несчастное чуть дышит – и
Ждет как лекарства от Лаврова
Или от Страхова статьи!
В те дни, напротив, было внове
Оно, и каждый в этом слове
Глубокий смысл подозревал
И философствуя мечтал.
И, может быть, княжна мечтала,
Ждала чего-то впереди
И думала, что все возможно...
И сердце в девственной груди
Полнее билось; сон тревожный,
Смыкая очи, не смыкал
Горячих уст... Он рисовал
Не за пределами могилы,
А в жизни – разума и силы
И чести светлый идеал...

Камков ей часто намекал,
Что есть у всякого народа
Святая цель – его свобода.
По-своему он понимал
Свободу. Быть вполне свободным —
Он думал – значило связать

Себя во многом, сочетать
Свой личный идеал с народным.
Так отчего же мой Камков
Не сделался славянофилом?
Друзья! не трать лишнего слов
Скажу, что бедный мой Камков
Не верил потаенным силам.
«Нет! – часто думал он, – лака
Наш мужичок без языка, —
Славянофильство невозможно
И преждевременно, и ложно...»

Но что он думал, я писать
Подробно вовсе не намерен;
Я, господа, вполне уверен,
Что из подобных дум создать
Лицо – напрасный труд. Едва ли
И те, которые читали
Его статьи (осьмнадцать лет
Тому назад), воображали,
Что он лицо... Полупоэт,
Полуфилософ, часто с видом,
Насмешки над самим собой
Он говорил: «Э, боже мой!
Ни разу не вступивши в бой,

Каким гляжу я инвалидом!
Пора на лаврах отдыхать!
На содержанье поступать,
Пора усердно притворяться
Влюбленным в баронессу, стать
Ее собачкой, к ней ласкаться
И перед ней хвостом вилять...»

А баронесса начинала
Не в шутку волноваться: знала
Она, что с ней, но не могла
Понять, что с ним: он стал желтее,
Рассеяннее, холоднее,
Скорей придирчив, чем остер.
– Ужель княжна!.. Нет, это вздор!
Нет, это только под сомненьем
(«Уж если я не увлекла!»)...
И баронесса с нетерпеньем
Влюбленной женщины ждала
Развязки...
В мае за границу
Она с собой его звала.
Она звала Камкова в Ниццу,
В Венецию, в Неаполь, в Рим, —
Столицу папы, идиотов —

Попов, натурщиц, патриотов
И мраморных богов. Пред ним
Она хвастливо раскрывала
Большой с рисунками альбом,
Рассказывала, намекала
Где можно умереть вдвоем...[18]
Камков шутил, и бес лукавый
В ней колебал рассудок здравый,
На что уж, кажется, она
Была умна и учена!

В тот день, когда княжна Камкова
Так удивила, уж никак
Не ждал сюрприза он другого.
Домой вернувшись, мой чудак
Нашел записку; распечатал,
Прочел... еще прочел – и спрятал.
Писала женская рука,
Но не по-женски коротка
Была записка. Лаконична
Насколько можно, и ясна
Насколько должно. Я отлично
Ее запомнил.
Вон она:

Записка баронессы

«За что вы стали избегать
Друзей? Чудак вы!.. разве честно
Так с женщинами поступать?
Позвольте прямо вам сказать:
То, что изволит вас пугать,
Не может быть для вас нелестно.
Мне ваше сердце неизвестно.
Свое я не хочу скрывать,
К чему скрывать! ведь я страдаю
Не оттого, что я люблю,
А оттого, что я не знаю,
Любима ли? Я вас молю
Меня не мучить! Дайте слово,
Что завтра в десять вы у нас.
Я для других больна: для вас
Я буду вечером здорова...»

И только!.. Если не считать
За этим – точек... Точки эти
Затем и выдуманы в свете,
Чтоб непонятно выражать
Понятное. Блажен, кто может

По ним о счастья гадать,
Кого их тайный смысл тревожит!
И эти точки мой герой
Невольно принял к сердцу близко.
Но откровенная записка —
Увы! не сердце, а покой
Больной души его смутила...

.....

И вот, не без душевных слез,
Припал он жаркой головою
К своей подушке, не разделет
И не разут, точь-в-точь поэт,
Неумолимою судьбою
В темницу брошенный, и там,
На жертву крысам и мечтам
Покинутый...
Свеча горела
И догорала... Он лежал,
Лежал... потом лениво встал,
Разделся... Полночь прогудела
На дальней башне; он задул
Свечу и, наконец, заснул.

Герой мой спит. – Чу! зачиликал

На мокрой кровле воробей:
Не солнце, а весну он кликал.
Заря все шире, все теплей
Вставала... в полдень дождик капал
С дощатых кровель; рыхлый снег
Был смешан с грязью; санный бег
Каменя мостовой царапал;
Колес глубокие следы
Сплывались; не было езды
Ни на санях, ни на колесах,
Весна протягивала посох
И слышался со всех сторон
В Москве великопостный звон.

Еще довольно было рано,
Чтоб ехать в гости к холостым,
Но мы старушке извиним.
В ворота въехала Ульяна
Ивановна, спеша застать
Камкова, и была серьезно
Удивлена, что он так поздно
Еще изволит почивать.
Она приехала с служанкой,

С своим мешочком и с вязанкой
Баранок. – А когда ж он встать
Изволит? скоро будет восемь
Часов; мы разбудить попросим.
Пошла кухарка отворять
Скрыпучий ставень. Встал с постели
Герой мой, и глаза протер,
И удивился:
– Неужели
Княгиня?.. где? с которых пор?..
Сейчас оденусь.
– «Не сердитесь.
Отец мой: еду из Москвы
Молиться к Троице...»
– Уж вы
И за меня там помолитесь, —
Сказал он, отворяя дверь.

Она вошла...
– «Ну да, конечно.
Мой милый Петр Ильич; теперь
Угоднику поклоны вечно
Я буду класть и за тебя».

– За что ж так долго за меня

Вы будете трудиться? Я
Таких молений недостоин!

– «Ну, милый, ты уж будь покоен
На этот счет. Ведь это я
Уладила, что ты уроки
Даешь моей княжне. Была
У родственницы и дала
Твой адрес. Я тебя в пророки
Какие-то произвела:
Сказала... Ну, что я сказала,
Про то молчу. Ведь я слыхала,
Какой ты мастер: говоришь
Как книга – и не улетишь
Вслед за тобой, и не поймаешь:
Так высоко ты забираешь!
Недаром ты одну из дам
Приворожил; чуть не свихнула
С ума... ну да!» – И по губам
Старушки бледной проскользнула
Усмешка. Впрочем, не кольнуть
Камкова и не намекнуть
Хотелось ей на что-нибудь:
Напротив, бедная хотела
Ему польстить и не умела.

«О! – выслушав ее слова,
Камков подумал, – о, Москва,
Москва!..» (Вчерашнее посланье
Мелькнуло в голове его.)

Неужели твое призванье —
Все знать, не делать ничего
И сплетничать?..

Совсем иное

Происходило в голове
Старушки, и не о Москве
Напоминало ей больное
В душе местечко! Может быть,
Довольная своим вступленьем,
Она с заметным нетерпеньем,
Решилась вдруг его спросить:
«Что дочка? и чему ты учишь?
И скоро ли ее приучишь
Меня за ведьму не считать?
Ведь я люблю ее... я мать!»

Камков очнулся. Не с ума ли
Она сошла?.. – Что вы сказали?
Какая ведьма?..
– Отчего ж,

Когда она меня встречает,
Ее, голубушку, бросает
Всю в лихорадочную дрожь?
Ты ей скажи, я не желаю
Пугать... не подойду... Я знаю,
Как тяжело и страшно ей
Встречаться с матерью своей.
Вот и на днях она каталась
С своей мадамой, и на ней
Был бархатный салопчик; ей
Остановиться б... Сильно сжалось
Во мне сердечушко, когда
Она как ветерок промчалась.
И то сказать, прошли года
С тех пор, как я с княжной рассталась!
Тогда еще и трех годков
Ей не было. Отец боялся,
Что я приду за ней: суров
Он был со мной и горьких слез
Моих не слушал. Богу клялся,
Что мне, как собственных ушей,
Не видеть дочери моей... —

Княгини голос оборвался.
Камков с усилием молчал.

– Ну вот, он клятву и сдержал!.. —
Она с тоской договорила
И с беспокойством поводила
Платком по подбородку...

– Зла

Я не желаю, – начала
Опять княгиня, – только знаешь,
Какие деются дела
На свете! и не разгадаешь,
Как поступать...

– Что ж было с вами?

Спросил Камков, моргнув глазами.

– Не вынесла, мой друг. В наш дом
Князь поместил свою Любашу,
Цыганку. Заваривши кашу,
Хотел он скрыть ее – и скрыл!..
И где ж ее он поместил?

С княжною рядом – подле детской!

– Я няньку нанял, – говорит, —
Привез из слободы немецкой.
Да с этой нянькой и кутит...

Что будешь делать? Я ни слова,
Ни полсловечка... Я взяла
Да и ушла. Ну да, ушла,

В день воскресения Христова,
Из церкви прямо, как была,
В нарядном платье, наняла
Карету, да и покатила
Вон из Москвы – да и забыла
Про колыбельку!»

– Не могли

Вы поступить иначе – и
Недурно поступили.

– Свято

Я исполняла долг мой... Но
Тут, извини: я виновата.
И не оправдывай!.. Грешно
Мне было в эдаком содоме
Покинуть дочку. Наказал
Меня господь!.. Всех в нашем доме,
Всех муженек мой разогнал;
И няню... и ее отправил
В деревню; при себе оставил
Двух поваров, да из людей
Каким-то чудом лишь Матвей
Мой уцелел – старик усердный.
Он недоимки собирать
Был послан. Любит куликать,
А впрочем, честности примерной.

Конечно, в дом меня пускать
И он не смел: за мной следили.
Я знаю, старика водили
В полицию за то, что он,
Вишь, от меня принес поклон
Малютке...

– Как же поступили
С ним полицейские?

– Ну, как!

Известно как – обыкновенно.

– Что ж он?

– Да ничего, – смиренно
Ответила княгиня. – Так
Несчастливого и наказали
Из-за меня... С тех пор, мой друг,
Чтоб люди-то не пострадали,
И на меня нашел испуг;
В особенности за Матвея
Мне было тягостно...

Краснея

До самых, так сказать, бровей,
Хозяин мой внимал своей
Печальной гостье. Ничего-то
Не знал он, хоть и жил в Москве.
В его горячей голове

Был мир иных идей – работа
Ученая... Мой педагог
Никак вообразить не мог
Своей наивной ученицы
В такой среде... среди такой
Житейской грязи. Так царицы
Иль нимфы посреди гнилой
Трясины мы никак не можем
Себе представить.

Но отложим
Фантазию, не утомим
Читателя и сократим
Рассказ княгини.

– Я добиться
Хотела прав своих... мириться
Хотела – гордости своей
Не слушала – и что ж? меня же
За это обвинили! Даже
И репутации моей
Не стали верить... Он, злодей,
Не пощадил меня нисколько...
«... – Убью! – кричал... Попробуй только!»
Вот, начала и подрастать
Моя княжна, и стали мать

Ей людоедкой представлять.
Чего уж ей ни говорили,
Чем ни пугали, ни мучили
Рассудка детского!.. При ней
Хороших не было людей.
Еще не знаешь ты, как люди
Жестокосердны. Впрочем, буди
Его святая воля! Все
Перетерплю – и что мое,
То не уйдет. Ушло – вернется,
У бога очередь ведется...»
– Но, – перервал ее Камков, —
Положим, трех – пяти годов
Ребенок был напуган вами!

– Ну да, напуган. Он слезами
Меня встречал, рвался из рук,
Головку прятал...

– Уверяю,
Княгиня, если б кто другой
Рассказывал... Но, боже мой!
Я все еще не понимаю:
Ребенок мог бояться вас,
Ну, а теперь?
«Теперь? – не знаю,

Отец мой! Только всякий раз,
Когда случайно я встречаю
Мою красавицу, – она,
Как плат, становится бледна,
Ну, словно видеть хладнокровно
Меня не может... ну... ну, словно
Я враг заклятый. Да и я
Сама к ней подступить не смею:
Что, если оттолкнет меня?..»

– А если бросится на шею?

Чего же вы боитесь?

– Нет,

Боюсь я... – был ее ответ.

И бледная старушка стала

Еще бледней. Бог весть о чем

Она потупясь размышляла,

И в этот миг ее черты,

Которые года измяли,

Еще живей напоминали

Остатки прежней красоты;

И вглядываясь, можно было

Узнать в ней мать княжны (в сухом

Цветке мы узнаем с трудом

Его родню, что с ветерком

Весной льет аромат кругом).
И мысль свести их соблазнила
Камкова...

– Я вас помирю, —

Сказал он, – я вам говорю,
Как честный человек.

– Неужто?

Отозвалась она, – а муж-то
Мой благоверный, – разве он
Допустит!

– Полноте бояться,

Он где-то рыщет.

– Я, признаться,

Сама хотела... Ты поклон

Мой отнеси сначала. Еду

Сегодня к Троице; ну, да

Авось господь пошлет победу

Над сопротивными... Когда

Я ворочусь, – ты ей, мой милый,

Просвирку отнесешь: поверь,

Что это хорошо... Теперь,

Прощай пока! —

И заспешила

Старуха и, перекрестясь,

Уехала.

Десятый час

Был на часах Камкова. Он
Невольно вспомнил вечер. Лег он
На свой диван между двух окон,
И, грустный, вслушивался в звон:
Колокола протяжно пели,
Тянули душу, но не грели.
Одна мечта была тепла,
И та – мучительна была...

Глава 6

Известно, что хитрость есть
Ум дураков, и несвободных,
Добавлю я, – и всех, чья честь
Вращается среди природных
Ее врагов. Врагам же несть
Числа – их больше, чем голодных
Волков в лесу, чем хищных птиц
В степи; что шаг, то и возможность
Сгубить всю жизнь свою... В лисиц
Нас превращает осторожность...
Мы, люди с правилами, так
Искажены, так лицемерим,
Что поневоле только верим
Чистосердечию собак.

Муж баронессы был скорее
Баран, чем волк; но с ним хитрее
Она была, чем с кем-нибудь:
Она не слишком опасалась
Его рогов, – она боялась
Своей изменою кольнуть
Его достоинство баранье,
Утратить все свое влиянье
И быть осмеянной пустой
Великосветскою толпой,
К которой ни по состоянью,
Ни по связям, ни по призванью
Никак принадлежать не мог
Мой благородный педагог.

Но баронессе мало было
Хитрить с бароном: нет, она
Сама с собой осуждена
Была хитрить, и так хитрила,
Как никогда...
В условный день
Свиданья долго притворялась
Она поутру спящей; лень
Ей было встать. Она терялась

В своих сомненьях, зарывалась
В подушки... «Вечер все решит!»
Она мечтала.

Люди встали,
Скребли, мели и перестали.
Все думали, хозяйка спит.
А между тем она твердила,
Твердила: «Вечер все решит».
Но вот, одевшись, побранила
Она себя за этот бред
И за вчерашнее посланье
К Камкову. – Кажется, признанья
В нем не было... Конечно, нет!
Лукавый ей шепнул в ответ.

Потом за чаем рассудила
Она, что глупо поступила;
А впрочем, вряд ли он поймет —
В чем дело... Нечего напрасно
Тревожиться, и он прекрасно
Поступит, если не придет.
Да и она его не ждет,
Совсем не ждет и им не бредит:
Напротив, очень может быть,
Что и сама она уедет

На целый вечер. Заложить
Велит двухместную карету
И ко всенощной к Филарету
Отправится. Пускай придет
И не застанет дома... Боже.
Как он рассердится!

– За что же
Вы сердитесь, философ мой!
Могла ль я думать, что решитесь
Вы на свидание со мной?
Нет, вы сперва в меня влюбитесь.
Потом уже... О, вы чудак
Такой, каких на свете мало!
Что за беда, что я не стала
Вас дожидаться? Если так
Вас это сердит, – чем хотите
Я искуплю мою вину...
Желайте, требуйте, ищите —
И я... я вас не обману.
Отбросьте недоразуменья!

Так в области воображенья
Она беседовала с ним:
Герой был счастлив, и – незрим.

Она была боготворима
И так же, как и он, незрима...
Пускай глядят – пусть смотрит сын...
Пусть смотрит муж...
И за обедом
С одним помещиком-соседом
Она кокетничала; вин
Ему заморских предлагала,
Сама в стаканы наливала
И тешилась... пусть ни один
Из них не видит, что там бродит
У ней в мозгу, что происходит
В душе... В смеющихся глазах
У ней темнее было вдвое,
Чем ночью в черных облаках
Иль в омуте на дне. Какое
Намеренье скрывалось в ней,
Когда она своих гостей
Так угощала за обедом —
Кто понял?.. Но с ее соседом,
Едва из-за стола он встал,
Случилось диво: он повесил
Свой красный нос и задремал...
Потом привстал, поклон отвесил.
Потом, чтоб больше не дремать,

В гостиницу поехал – спать.

С утра болтающие гости
Ее терзали. Тайной злости
Полна, она лишь об одном
И думала и говорила
При всех, открыто, за столом,
Что хочет выехать; потом,
Когда она сам-друг осталась
С бароном, вдруг ей показалось.
Что в спину колет, что она
И простудилась, и больна...
Что ей так хочется к графине
Заехать... и... увы! должна
Скучать...

«Ах! – вспомнила она
При муже – буду по-латыне
Учиться... кажется, звала
Сегодня я Камкова. Зла
Я на него. Да, никакова
В нем такта нет: по четвергам
Зову, зову... дает мне слово —
И надувает! Вечно к нам
Придет не вовремя. Намедни

Пришел поутру; я к обедни
Сбиралась – вечно невпопад!
Такой чудак!»

– Ну что ж? я рад! —

Тряхнувши гладенькой головкой,
Сказал барон, – он малый ловкий
И, нечего сказать, учен,
Учен, собака!

Вот, рассталась

Она с супругом и пошла
В свой будуар. Уже смеркалось:
Заря по окнам пронесла
Огни свои и за гардиной
Куда-то спряталась. В гостиной
Часы пробили девять. Свет
Прощальный в сумерках печальных
Еще кой-где мелькал в зеркальных
Померкших стеклах. В кабинет
К барону лампу осторожно
Пронес лакей, но будуар
Был темен... Щек румяных жар
Не озарял его... тревожно
Она оглядывалась: слух
Ее был напряжен. – Возможно ль,

Чтоб время медленное вдруг
Подкралось к ночи! Не безбожно ль
Оно обманывает нас?

Неужели условный час
Так близок?.. Сдержанно и бурно
Дышала грудь ее... звонок —
И он войдет...

Чу! молоток
Позолоченного Сатурна,
У Гименея не спросясь,
Протяжно, с расстановкой, раз
Ударил... два... и сосчитала
Она удары: десять!.. Встала
И, бледная, пошла к дверям
Передней.

«Ты сегодня в клуб?»

– Ну, да, мой друг, конечно, там, —
Сказал барон.

Барон был в шубе
И ждал кареты; кучерам
Был послан нагоняй. Терпенье
В нем лопнуло. – «Какой подлец
Закладывает!» – в заключение
Ворчал он под нос. Наконец,
К крыльцу карета подкатилась

И в клуб барона увезла.
Жена в переднюю вошла
И на швейцара покосилась;
Но не к швейцару обратилась,
А к камердинеру:
«Позвать
Мне сына».
– Он никак изволил
В концерт уехать...
«Кто позволил?
Барон? Как мальчика пускать
В такие лета одного! Спросите,
Кто из людей поехал с ним!
Какая мука!.. Доложите,
Коли придет Камков. Другим
Отказывайте: говорите,
Что я больна и спать легла».
Сказала, бровью повела —
И вышла.
Боги! нет страданья
Несноснее, как ожиданье
Влюбленных. Тот, кто испытал
Его, – тот медленно глотал
Сок приторный из чаши самой
Противной скуки. Надо быть

Не женщиной, не светской дамой,
Чтоб до конца ее допить
И на другой же день в постелю
Не слечь на целую неделю.

Еще довольно весела
Она была, когда вошла
В свой кабинет. Нашла, что мало
Огня в камине. Набросала
Туда щипцами угольков,
Подумала: придет Камков
И что-то скажет?.. – Не дожидаться
Ему признанья новых слов!
Нет, я вторично унижаться
Не стану. Нет! – И ей заняться
Хотелось. Спичкою зажгла
Она свечу, достала книжку,
Читать хотела – прилегла
И встала... Вспомнила Амишку,
Свою собачку, и пошла
Ее укладывать, а кстати
Узнать об горничной, об Кате,
Которая вчера слегла
От головной простудной боли.
Ей нужно к икрам привязать

Горчишники. Не худо знать,
Что делается... Словом, все ли
В порядке.

– Боже мой!.. Камков!
Ты, может быть, своих часов
Не заводил – или пропала
Моя записка... или... но
Мне совершенно все равно...
И баронесса повторяла,
Что никого она не ждет
И ждать не хочет. Пусть придет,
Пусть не придет, – ей дела мало,
Ей все равно!.. Из-за него
Она терзать себя не станет.
Что он такое? ничего!
Плебей, учитель! Вечно занят,
Чтоб хлеб насущный добывать...
Ему ль ценить! Ему ль понять!
И прочее, – Нет, нет! Вернее,
Всего вернее, что Камков
Не заводил своих часов,
И непременно он позднее
Придет... Не получить не мог
Он моего письма... У ног

Моих он выпросит прощенье
И за минуту промедленья,
Не только за десять минут!

А между тем часы бегут.
Заметно исчезают краски
С ее лица, глаза не лгут;
Они горят... Лицо без маски
Омрачено уже такой
Досадою, такой тоской,
Что... если ум с душою бедной
Еще по-прежнему хитрит,
– Ты, баронесса, – говорит
Ей зеркало, – такую бледной,
Такою смутной не была
С тех пор, как сына родила.
И, покачнувшись, отошла
Она от зеркала, и руки
Скрестила, и опять легла,
И долго вслушивалась в звуки
Иль в гул шагов, колес, саней
На улице... Войди он к ней
Сейчас, – она бы не сумела
Подняться: так оцепенела
Всем телом, так была она

Вся в чуткий слух превращена.
Войди он к ней сейчас, – и в зреньё
В такое ж чуткое, как слух,
Она бы превратилась вдруг.
И ни одно его движенье
Не ускользнуло бы; в одно
Неуловимое мгновенье
Все было б понято.

Грешно

Ему так медлить! Как! ужели
Одиннадцать?! Как бой часов
Далеко слышен! Прогудели
Удары... кончено! Камков
Не будет...

В залу устремила
Она свой взор – там тьма была,
И в темную она вошла
Гостиную, и показалось
Ей там, что будто помешалась
Она, что бредит наяву —
К невидимому существу
Идет навстречу... Испугалась
Она такой мечты; осталась
Однако же впотьмах, потом
К окошку подошла, и лбом

Прижавшись к темной раме, стала
Глядеть на улицу. С угла
От фонарей была светла
Большая улица. Мелькали
То здесь, то там, то вырастали,
То съезживались тени. Вот
Какая-то мамзель идет,
Какой-то кавалер за нею
Спешит, вытягивает шею —
Картуз клеенчатый блестит
И пропадает... Вон в овчинной
Шубейке баба штоф несет.
Вот едет рысью с пикой длинной
Казак и, может быть, везет
Депеши... Вот и неуклюжий
Фонарщик: с лестницей над лужей,
Должно быть, вздумал помечтать.
Остановился... и опять,
Опять все пусто... Вот из мрака
К столбу фонарному собака
Идет, за ней из-за угла
Другая, третья... и прошла
Собачья свадьба... Раздается
Задорный лай... Что это сон
Проклятый, или жизнь?! А он!..

Он, может быть, теперь смеется,
Иль начал Гегеля читать!
Увы! мечтою не догнать
Того, что в руки не дается!..
Чего ж ты ждешь? Какой любви,
Каких чудес из-под земли?
Поверь, никто в плаще не встанет
С гитарой под окном твоим
И серенады петь не станет!
Тут не Испания, не Рим!

.....

И баронесса воротилась
В свой кабинет и ухватилась
За колокольчик... Боже мой!
Какой нервической рукой
Она звонила, дозывалась
Кого-нибудь – и вот уж к ней
Идет по коврикам лакей.
– Кто был у нас? мне показалось,
Что кто-то позвонил?
– Чего-с?
– Кто был за полчаса?
– Никто-с.
– Ступай.
Теперь пора сознаться,

Что никогда еще она
Так не была оскорблена.
Она хотела засмеяться
И стала плакать... (нежный пол
Красиво плачет). Огоньками
Сверкали на ее ушах
Алмазы; все лицо руками
Она закрыла, и с висков
На локти черными волнами
Сбегали косы... Не Камков
Уж был в уме у ней... Что значит
Камков? И не любовь в ней плачет,
А плачет гордость. Уж дотла
В ней догорела страсть; желанья
Потухли... баронесса зла —
И только!.. Тихие рыданья,
Истерики припадок...

Но
Что долго плакать! Уж давно
И спать пора! «Давно ль я стала
Такой нервической?» – сказала
Она, и локти отняла
От столика и подняла
Свечу, и в спальню отворила

Дверь полированную. – Спать,
Так спать! Другую засветила
Она свечу, но раздевать
Себя не кликнула ни Кати,
Ни Дуни; а замечу кстати,
Что баронесса никогда
Сама не раздевалась; это
Событье с нею, господа,
Случилось в первый раз... Ну да,
Событье! Впрочем, без корсета
Она была и, стало быть,
Ей не предвиделось большого
Труда себя разоблачить.
К тому же Катя нездорова,
А Дуня спит – к чему будить!
Неторопливо раздевалась
Она и наконец осталась
В одной сорочке. «Боже мой!
Какой однако же больной
Кажусь я в зеркале! – уныло
Подумала, – а прошлый год
Я так свежа была!..» И вот
Она вниманье обратила
На томные свои глаза,
На пятна слез (заметно было,

Что по лицу прошла гроза)...
Раздетая, она осталась
Перед трюмо; сперва созналась
С невольной грустью, что она
Без платья уж не так стройна,
Как в платье, что на пьедестале
Поставленную, может быть,
Ее не стали бы ценить
И восхищаться бы не стали.
И баронесса начала
Себя осматривать: нашла,
Что плечи пышны, грудь бела
И высока, и руки стройны,
И волосы роскошны, и
Все, все, что нужно для любви
И неги... Но благопристойны
Мы будем, и не скажем вам
Всего, что в зеркале предстало
При двух свечах, без покрывала,
Ее заплаканным глазам.
«Дурак Камков!» – Она сказала
Почти с презреньем, и в сердцах
Задула свечи. Вот, впотьмах
Отдернутая занавеса
Опять задернулась, и спать

Легла спокойно баронесса.
Ей тихой ночи пожелать
И мы не прочь: ведь ей досталась
Довольно трудная игра.
Она, несчастная, с утра
Страдала, вдоволь настрадалась, —
Пора заснуть!
Но не спалось
Ей, бедной: в жизнь ее былую,
Блистательную, молодую,
Воображенье унеслось,
И унесло с собой до слез
Обиженное сердце... Было
Над чем подумать! Но забыла
Она, как ветрено губила
Она сердца, когда была
Моложе. Память говорила
Ей о другом: она плыла
На пароходе за границу;
Была в Милане – как царицу
Ее встречали там: она
Всей тамошнею молодежью,
Как василек шумящей рожью,
С утра была окружена.
За ней ухаживал посланник,

И лорд в гороховом пальто,
И политический изгнанник,
И пламенный артист – и кто,
Кто был тогда ее избранник?
Кто был у ног ее? – Никто
И все до одного!.. И каждый
Из них, томясь ревнивой жаждой,
Готов был жертвовать собой
За миг любви, и – боже мой!
Все позабыть, и где ж влюбиться!
В Москве!.. И может это быть?
И может вздор такой присниться?
И кто поверит, что она
Была в Камкова влюблена?
Плебей! учитель – нет, Россия!
Еще ты дикая страна!
Невеждами населена,
Медведями! И молодые
Как старики, и старики
Как дети... Можно от тоски
Здесь умереть. Пора в Тоскану,
В Милан, в Венецию. Не стану
Я больше медлить здесь; прощай,
Прощай, Москва! с тобой прощаться
Я рада, только пожелай

Мне никогда не возвращаться.
Конечно, можно кой-кого
Здесь уважать. Литература
Цвезть начинает; я не дура
И понимаю... для чего
Пристрастной быть? – уж за науки
Россия принялась от скуки,
И в этом можно принимать
Участье, но... но – не дышать,
Не жить!
Такие-то блуждали
В ней мысли и мешали спать.
И до нее не долетали
Ночные звуки: так она
Была в себя погружена.
Но вот Амишка заворчала,
И баронесса услышала,
Что кто-кто в спальню к ней вошел.
То был барон; он был в халате
И шаркал туфлями; на стол
Ночник поставил и к кровати
Придвинулся.
– Ты спишь, друг мой?..
Бледна, как мрамор гробовой,
Она в подушках чуть дышала.

«Ты спишь?» Она не отвечала,
И не хотела отвечать.
«А я хотел тебе сказать,
Что я сегодня двадцать тысяч
Привез из клуба; а тебя
И не разбудишь!» – Если б высечь
Тебя могла я, – про себя
Она подумала, – признаться,
Была б от этого не прочь.
Как жаль, барон, что в эту ночь
Ты не изволил проигратъся». —
Так, чуть дыша, в объятых сна
Притворно-сладкого, она
Кипела. Видно, притворяться
Ей не наскучило... И он
Не разбудил ее... Барон
Был деликатен. Но закроем
Их ложе пологом: авось,
Соединив их, успокоим
Сердца их, бьющиеся врозь.

И на другой день в праздник (в будни
Для баронессы) ровно в час

Она проснулась пополудни.
Явилась Катя. – «Что ты?» – «Вас
Я разбудить не смела; надо
Вам в магазин; уже давно
Заложена карета». – «Но
Я нездорова... впрочем рада
Я выехать. А какова
Погода?..»
Баронесса встала
Усталой, впрочем, голова
Была свежа. И причесала
Ей Катя волосы. Корсет
Уж баронесса надевала,
Когда ей подали пакет
С печатью. Тихо положила
Она письмо на туалет.
Задумалась, но не спросила,
Откуда, от кого? Заныло
В ней сердце. Может быть, Камков
Вчера был очень нездоров,
Не мог приехать? – никакого
И оправданья нет другого.
Но если только умирать
Не вздумал он, я и читать
Не стану! Долго колебалась

Она: назад ли ей послать
Письмо, или прочесть? Осталась
Одна и – сорвала печать.

Послание Камкова

«Когда б в условный час свиданья,
Дав волю роковым мечтам,
Прочел я по твоим глазам
О тайнах твоего страданья, —
Клянусь, я б пал к твоим ногам,
И, сердцем нищий, все богатства
Его тебе бы обещал,
Твое бы сердце обокрал,
И совершил бы святотатство.
Клянусь! я б обманул тебя,
Себя, и Бога, и природу,
Я б исказил свою свободу
И обладал бы, не любя.
Нет, перед любящей душою,
Перед страданием твоим
Я прохожу, склонясь главою,
Как перед чашею святою,
Глухим отчаяньем томим.
Запуган жизнью, я страдаю,
Когда люблю и не люблю,

Но о прощеньи не молю,
И ничего не принимаю
От тех, которым не даю.
Скажи – и справедливо будет,
Когда ты скажешь обо мне:
Несчастный! он меня не любит,
А мог бы счастлив быть вполне!..»

И баронесса прочитала
Стихи, и тут же разорвать
Хотела их, но воздержала
Себя от гнева, чтоб опять
Их на досуге прочитать...

Как вам понравились, читатель,
Стихи героя моего?
– Да что, помилуйте! мечтатель!
Мечтатель, больше ничего!
Писал он искренно, быть может,
Но... но и это не поможет.
В наш век в поэзии смешон
Восторженный какой-то тон...
К чему, прикидываясь птицей,
Парящей в небе, сознавать.
Что не умеем мы летать?

К чему нам язвы врачевать
Какой-то розовой водицей,
Тогда как нужен, может быть,
Нам яд, чтоб вышло все наружу
И кровь очистилась?.. – Ну да!
Согласен с вами, господа,
Но – яд глотая, вы на стужу
Не выходите: ревматизм
Получите и в прозаизм
Такой вдадитесь, что микстура
Да пластыри заменят вам
Все, чем могла б литература
Гордиться, жизнь цвести и греть
И двигать вас... Больного
Здоровым мы не назовем,
Но и на суд не позовем
Ничем невинного Камкова.
В те дни, когда он обитал,
Учил, учился и мечтал
И землю бременил, – едва ли
Друзья больным его считали:
Для них служил он образцом
Души и мысли непреклонной.
В среде холодной, дряблой, сонной
Он вырос – но глядел бойцом,

Когда его впервые встретил
Студент Белинский, и Камков,
Быть может, прежде всех заметил
В нем искру божью – и ответил
На первый пыл его идей
Живою дружбою своей...
Белинский долго оставался
К нему пристрастным (господа,
Скажу вам на ухо) тогда...
Наш первый критик восхищался
Стихами друга моего,
И даже видел в нем поэта...
Камков, напротив, на него
Нередко нападал за это.
Своих стихов он не ценил;
Когда же Лермонтова скорбный
Раздался голос – он почтил
Свою поэзию надгробной,
Без слез и жалоб... Не упал
Он духом, только раз, угрюмый
Поник над лермонтовской думой:
«Мы здесь пропущены», сказал.

Послание к Камкову одного
из учеников его в 1846 году

Ты был угрюм, но тих и бледен,
Приветлив, но невесел, – беден,
Но в людях счастья не искал;
А я был юноша-мечтатель,
Тщеславный, ветреный искатель
Удач, разгула и похвал.

Душой мельчая с каждым годом,
Тебе внимал я мимоходом;
Со мной ты мало говорил,
Наставник наш красноречивый!
Но и вне школы, – твой пытливый,
Твой светлый взор за мной следил.

Ты выжидал. – Настало время,
Жизнь на меня легла, как бремя:
Изныл я от пустых страстей,
От пересудов, пошлых мнений,
От вековых предубеждений,
Не сознавая их цепей.

И я пришел к тебе – невольно
Меня к себе ты влек – и больно
Признаться было мне... – но ты
Не дождался моих признаний:

Ты понял суть моих страданий
И обновил мои мечты.

Тебя я слушал, как пророка;
Ты предо мной раскрыл широко
Иную жизнь, учитель мой.
Твой ум сиял – ты смело ставил
Иную цель, свободу славил...
Пылало сердце – факел твой...

Вникать я стал – и, как туманы,
Редели предо мной обманы
Всех стран земли и всех веков,
Кумиры падали – народы
Взимали голосу свободы
И выходили из оков.

И вот, в углу для всех сокрытом,
Как ты, я стал космополитом, —
Стал гражданином мировым:
Порою в лес иду – порою
Стою задумчив над рекою, —
Увы! что делать мне с моим

Никем не понятым гражданством?

Здесь, перед рабством и тиранством
Равно я жалок и смешон.
Пишу к тебе средь ночи бурной,
Средь копоты избенки курной,
Буграми снега занесен.

Хозяева мертвецки пьяны,
И тараканы – тараканы...
Средь обитателей степных
Они одни – хоть и трусливы —
Свободны, трезвы и счастливы,
И молча я гляжу на них.

Ползут на грудь, ползут за шею
И я – я силы не имею
Давить их на моей груди,
Так я гуманен! так доволен
Своим гражданством! но я болен...
Больной пишу – не осуди!

В напечатанных шести главах «Свежего преданья» не исчерпывается содержание задуманного мной романа. Тем из моих читателей, которые, пробежав эти главы, найдут в них хоть несколько страниц достойных их

внимания или не поглядят на посильный труд мой с высоты своего величия, намерен я в кратких словах досказать роман, мною когда-то задуманный, и таким образом познакомить их с его содержанием.

Вот план романа начиная с 6-й главы до 20-й. Камков относит княжне Лоре просвиру от ее матери, воротившейся с богомолья, и доказывает ей всю ненормальность ее отношений к матери, – отношений, созданных невежеством и грубой силой. Лора в первый раз от роду слышит, что мать ее добрая и честная женщина, что она любит и даже не перестает о ней заботиться. Настает ночь светлого Христова воскресенья.

Описание этой ночи в московском Кремле. В эту ночь Лора уходит от своей гувернантки и, сопровождаемая Камковым, на паперти Чудова монастыря в первый раз встречает и обнимает мать свою. Камков становится ближе к Лоре – она подчиняется его нравственному влиянию. Мысли Камкова о религии.

Весна. – Сокольники. – 1 мая. – Камков решает сказать Лоре, что он ее любит; но без всяких претензий на взаимность – без всякой

надежды на свое личное счастье. Он только просит позволения любить ее. Княжна не без волнений выслушивает его признания, но прямо говорит ему: вы не мой герой. Тот, кого я люблю, должен походить на тот идеал мужчины и гражданина, который вы не рисовали передо мной, читая мне историю или толкуя великих поэтов. Я люблю вас как друга, как брата. Впрочем, будущее зависит от вас – не теряйте надежды.

В мае баронесса уезжает за границу, не простясь с Камковым. Из деревни возвращается в Москву князь Таптыгин – отец Лоры. Он приехал, вызванный судом по какому-то уголовному делу, от всех тщательно скрываемому, и отделяется от суда, давая взятки и пленяя всех своей благонамеренностью. Это салонный герой со всеми утонченностями светской любезности, когда он во фраке и – беспощадный самодур, грязный кутила и развратник, когда он дома, в бархатных шароварах и в красной канаусовой рубашке с косым воротом. Встретившись с Камковым, он сразу не полюбил его – смотрит на него высокомерно и с недоверием, подмечает его дружеские от-

ношения к княжне – и возмущается. Камков впервые лицом к лицу встречается с силой, враждебной всем его убеждениям, враждебной науке, любви, прогрессу и проч. Кончается тем, что князь зовет его к себе обедать и хочет при дочери напоить допьяна ее наставника. Камков на это не поддается. Через несколько дней князь начинает грубить ему. – Как вы смеете, – говорит он, – воображать, что стоите на одной доске со мной или с моей дочерью. Кончайте урок – и гайда! Руки по швам! если не хотите, чтоб я выгнал вас. Камков отвечает ему, что он и не ставит себя на одну с ним доску, потому что считает себя бесконечно выше его во всех отношениях. Взбешенный князь призывает людей и приказывает им вытолкать Камкова на улицу. Сцена возмутительная и безобразная.

Оскорбленный Камков чувствует вполне все свое бессилие. Он придумывает мщение и не может ничего выдумать. Знает, что жалоба в суд будет совершенно бесполезна; – его обвинят за непочтительность к князю – князя оправдают. Теоретик и философ Камков низко падает в собственных глазах своих; он счи-

тает себя уже недостойным не только любви, недостойным дружбы им любимой девушки. Он решается не видеть ее и в умственном труде ищет себе успокоения. Князь Таптыгин увозит дочь свою в деревню. Камков случайно видит Лору в окне дорожной кареты. Лора выбрасывает ему платок свой. Слезы и отчаяние матери.

Село Таптыгино. – Деревенская жизнь княжны. – Характер князя и его подвиги как богатого помещика. – Его пирушки. – Его отношение к крестьянам, к соседям-помещикам и к своим любовницам. – Княжна изучает эту жизнь. – Пассивное, молчаливое непокорство. – Выплаканное уединение. – Тоска. Боязнь перед насильственным браком. Чтоб наполнить жизнь свою, она принимается за воспитание крепостного мальчика Илюши, сына ее бывшей няни, сосланной в деревню за привязанность к ее матери. – Мальчик, способный к развитию. – Княжна привязывается к нему, хотя и скрывает свою привязанность. Выучив его грамоте, она рассказывает ему разные исторические события; толкует священное писание – и мало-помалу старается

привить к нему чувство человеческого достоинства. Так проходят два года, Илюше наступает четырнадцатый год.

Князь находит Илюшу праздным и делает его своим казачком. Илюша прочищает и набивает трубки, гостям подносит водку; но по ночам читает и молится. Княжна затевает тайную переписку с Камковым. Из ее степного далека, среди вопиющего невежества, грубости и низкопоклонства, среди картежников и псарей, Камков кажется ей чуть не великим человеком, чуть не гением. – «Если он меня еще любит, – думает княжна, – он сжалится надо мной и увезет меня». Камков отвечает ей остроумными письмами, но ни слова не говорит о любви своей.

У Илюши есть сестра Маша, девушка лет семнадцати; она живет в селе у своего дяди, выборного – и ходит с дочерьми его на поденщину. Илюша встречается с сестрой своей на огороде и советует ей не попадаться на глаза барину. Но за Машу сватается кузнец Фома, и так как без позволения барина выйти ей замуж нельзя, то она и должна, по заведенному обычаю, идти к князю и просить его разреше-

ния. Проходит месяц. Илюша узнает, что сестра его сильно понравилась его барину. Князь приказывает старосте к нему привести ее. Позволение на брак Маша должна прежде всего купить ценой своей невинности. Князь считает своим правом на известный срок обладать теми, кто имеет счастье ему понравиться, и страшно наказывает тех парней, которые позволяют себе с ним соперничать.

Илюша худеет, молится, и в свободные минуты, когда князь спит после обеда, прокрадывается в комнату Лоры. Он допытывается у ней, что бы она сделала, если бы попалась в руки к разбойнику. Что если бы кто-нибудь насильно ее взял к себе вместо жены. – Я бы скорей утопилась, отвечает Лора. Летняя ночь. Берег пруда. Илюша советует сестре своей утопиться. Та не хочет. – Моя, знать, такая судьба, говорит она. Чем я лучше других? Вон и Матрена прошлого года целый месяц пожила с барином – не съел. Маше хочется, однако ж, тайно от барина хоть в овине повидаться с кузнецом Фомой. Она его любит и просит Илюшу помочь ей. – Нет, отвечает Илюша, не могу я помогать тебе. Кузнец Фома говорит,

что лучше теперь в солдаты пойдет, чем на тебе женится, и барина, говорит, не послушаюсь, пусть делает со мной что хочет. Маша уходит опечаленная. Илюша мечтает о побе-ге.

Княжна пишет к Камкову, что если б не он, ей бы и в голову не пришло заняться воспитанием крепостного мальчишка – что она при первой возможности заведет школу, и Илюша будет помогать ей, когда вырастет. Если бы не вы, – пишет ему княжна, – мне кажется, я была бы не прочь плясать на пирушках моего отца в угоду его полуночных собеседников и вышла бы замуж за первого негодяя. Мне, впрочем, тяжело здесь. Отец подозрителен, беспрестанно меняет мою прислугу и ревниво стережет меня; но я сама виновата, я сказала ему: что найду средство бежать, если меня не оставят в покое. – В это время за окном она слышит голос Илюши: «Его секут!» – «Кого?» – спрашивает княжна. – «Фому, за то, что он не хочет жениться на сестре моей».

Князь Таптыгин имеет обыкновение после ужина прогуливаться за садом по гати, откуда видна ему вся деревня. Он наблюдает, во всех

ли избах погашен огонь и не везут ли снопы, тогда как после зари возить на гумно снопы князь запретил по каким-то своим собственным соображениям. Обыкновенно в это время в селе царствует мертвая тишина. По гати мимо барского дома никто не смеет ни ходить, ни ездить. Один Илюша имеет право приносить своему барину кiset, высекать огонь или с трубкой дожидаться его на конце плотины. Описание темной ночи. Илюша выходит на плотину с топором под мышкой, видит, по гати ходит не один, а целых три барина, на него находит страх, и он убегает. Всю ночь до утра он молится. На другую ночь он опять выходит с топором. На этот раз он видит только двух вместо одного барина; но он опять уходит и опять всю ночь молится. На третью ночь он убивает князя Таптыгина. (Сообщить подробности об этом уголовном деле мне было обещано... Галлюцинации мальчика мной также не выдуманы.)

Илюша на заре пошел по деревне и сам повинился в своем преступлении. Его связали, послали за становым и дали знать в ближайший город. Ужас княжны, когда на другой

день, проснувшись, она увидела отца своего с разрубленной головой. – Панихиды. Сельский притч. Чтение псалтыря. Ночные прогулки княжны по саду. Ее душевное настроение. Толки по деревне. – Хорошо еще, что сознался, говорят крестьяне, что кабы не сознался? Сколько бы из нас просидело в остроге за одно подозрение. Илюшу везут в город. Его посадили в телегу, вся деревня сошлась провожать его. Мать, рыдая, подбегает к телеге и обнимает сына. Кузнец также его целует. – Что ты сделал? – слышится голос княжны. Илюша молча смотрит на нее, но ничего не отвечает. Его увозят. «Благослови его, господи, отпусти ему прегрешение его», – слышится в толпе. Княжна чувствует в глубине души своей, что не может проклинать убийцы, и заболевает.

Спустя месяц, осенью, княжна приезжает в Москву и останавливается у матери. Тут автор в первый раз ее видит и провожает ее к Камкову в больницу. Камков заболел от уныния и усиленных занятий. Болезнь лишила его уроков и затем куска хлеба. Не видя ничего впереди, он заболел еще сильнее и хозяй-

кой своей квартиры отвезен в больницу. Княжна застаёт его в памяти, с письмом от одного из бывших учеников его. Она рассказывает ему о последних деревенских событиях. Камков говорит ей: «Бессильный я был человек; но вижу, слова мои были сильны. Через вас прошли они в душу какого-то деревенского мальчика и за меня он отомстил ему. Не мог я за себя вступитья, он за меня вступился. Не мог я освободить вас, он вас освободил. Мой дух говорил с ним вашими устами. Убийца не этот мальчик, а я – бедный, слабый, умирающий; не он, а вы, потому что развивали в нем благородные чувства, тогда как кругом него была мерзость запустения и ничего человеческого. Придет время, и оно близко, когда крепостное право рухнет, и если царь не сокрушит его, оно сокрушит Россию. Я умираю, но знайте, что тень моя придет потревожить вас, если вы хоть одного человека назовете рабом своим».

Предсмертные слова Камкова потрясли Лору, поселили в ее совести такую тревогу, из которой она не находит выхода.

Старушка, мать ее, поселилась с ней в

Москве. Она беспрестанно молится за упокой своего мужа и ездит на могилу Камкова молиться за упокой души его. Княжна отделяется от женихов и поступает в сестры милосердия. Баронесса возвращается из-за границы с новым любимцем. Это какой-то француз-фортепьянист с артистическими ухватками. Она вводит его в свет и носит его на руках, рекомендует его как учителя музыки и на его концерты сама развозит билеты. На вопрос же: «Жив ли еще Камков и что он делает?» – отвечает: «Вероятно, жив, но невидим, как идея совершенно отвлеченная».

* * *

Это «Свежее преданье», к счастью для нас, потеряло уже свою свежесть, и нужно слишком много условий для того, чтобы такое произведение в стихах могло в настоящее время приковать к себе внимание читающей публики. Начало же его (помещаемое в этом издании) не удалось мне. Я обременил его подробностями и, быть может, увлекся своими личными воспоминаниями. Продолжать неудавшееся начало не имею сил... Зачем же я его печатаю? Печатаю из одного предположения,

что некоторые черты тогдашнего московского общества, воспринятые моей юношеской впечатлительностью, мною довольно верно схвачены, но, разумеется, это только предположение.

1861

Примечания

Чуха – грузинский кафтан с откидными рукавами. (*Прим. авт.*)

[^^^]

Бичо – по-грузински мальчик. (*Прим. авт.*)

[^^^]

3

Хабарда – берегись! (*Прим. авт.*)

[^^^]

4

На Востоке есть обычай красить себе бороду и усы. (*Прим. авт.*)

[^^^]

5

Муша – носильщик. (*Прим. авт.*)

[^^^]

6

Подкоши – башмаки без задков. (*Прим. авт.*)

[^^^]

Майдан – базарная площадь. (*Прим. авт.*)

[^^^]

Татарская песня эта была доставлена покойным Абаз-Кули-Ханом одному польскому поэту, Лада-Заблоцкому. Он перевел эту песню по-польски, прозой; я, как умел, русскими стихами... (*Прим. авт.*)

[^^^]

Сарбазы – персидские солдаты. (*Прим. авт.*)

[^^^]

Агалары – татары-помещики. (*Прим. авт.*)

[^^^]

Калым – подарки жениха отцу невесты. (
Прим. авт.)

[^^^]

Ганжа – гор. Елисаветполь. (Прим. авт.)

[^^^]

«Похоронный марш» (*фр.*).

[^^^]

Стих Веневитинова. (*Прим. авт.*)

[^^^]

Стих А. Пушкина. (Прим. авт.)

[^^^]

Бакунин, Кетчер, Герцен. *(Прим. авт.)*

[^^^]

В Москве случилось мне слышать «пугавщина» – вместо пугачевщина. (*Прим. авт.*)

[^^^]

Стих А. Н. Майкова. *(Прим. авт.)*

[^^^]